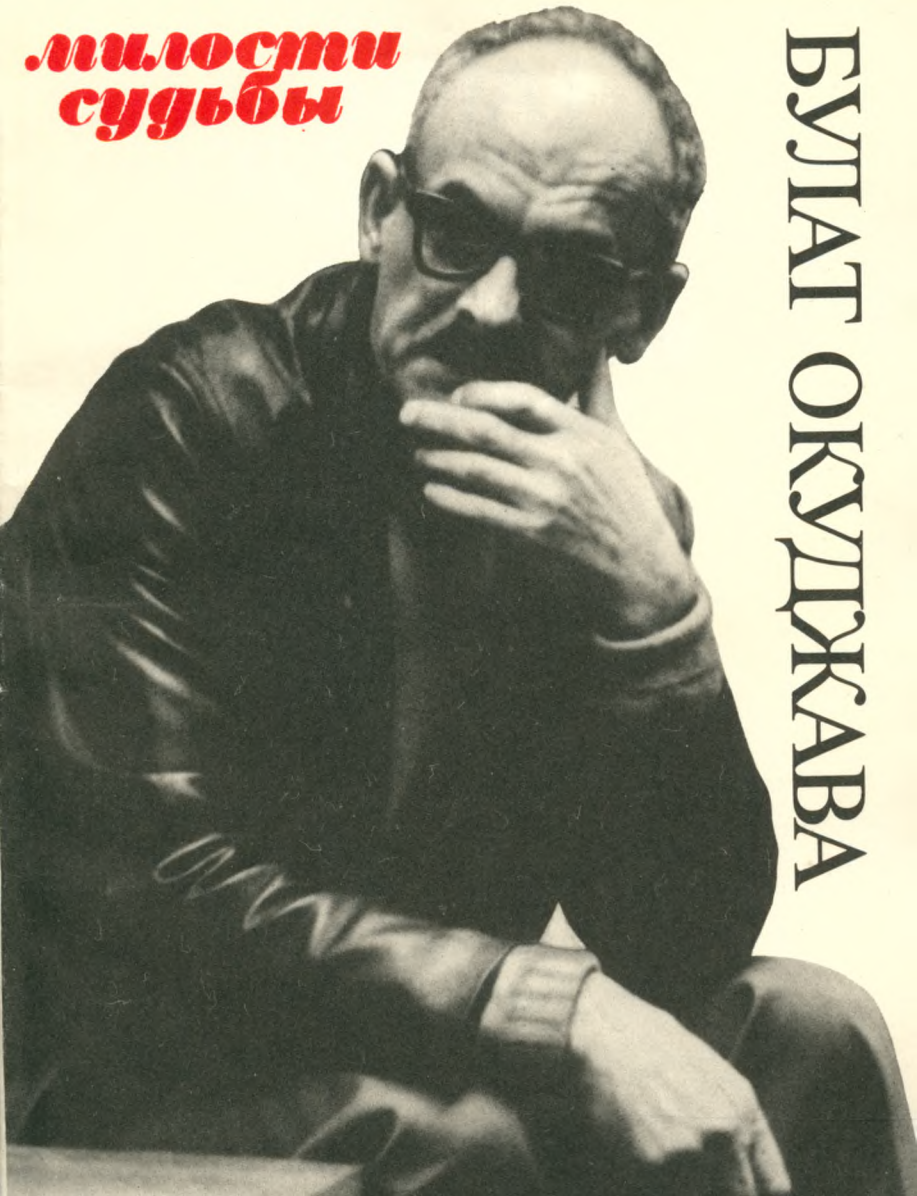


**милости
судьбы**

БУЛАТ ОКУДЖАВА



БУЛАТ ОКУДЖАВА

милости судьбы



Московский рабочий

1993

ББК 84P7—5

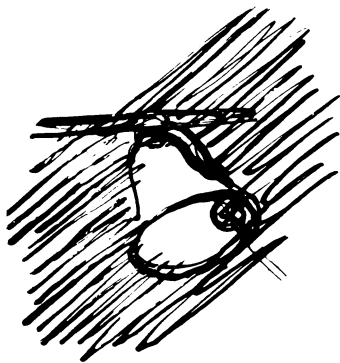
O-52

O $\frac{4702010202-25}{M172(03)-93}$ 135—93

ISBN 5 239 01571—6

© Б. Ш. Окуджава, 1993

НОВЫЕ СТИХИ



В. Войновичу

О фантазии на темы
торжества добра над злом!
В рамках солнечной системы
вы отправлены на слом.

Торжествует эта свалка
и грохочет, как прибой...
Мне фантазий тех не жалко —
я грущу о нас с тобой.

ТАМОЖЕННОЕ

Как будто кто-то в небе играет на трубе!
Сладка родная речь!.. Как это мило!..
Но слышится: «А ну-ка, пройдите все в купе!..»
То родина со мной заговорила.

Таможенник прекрасный, послушай мой рассказ,
покуда остановка наша длится.
Без лишнего кокетства, без лжи и без прикрас
с тобою я успею поделиться.

Когда я был в Париже (предание свежо),
в квартире скромной жил, как миллионы.
Морис, в футбол влюбленный, катал меня в «пежо»,
официанты были благосклонны.

Чего ни пожелаешь — лишь руку протяни,
ну просто словно в сказочной пиесе.
Всегда с тобою рядом — Елена Мартини,
а рядом с ней — Ковальский в «мерседесе».

Париж прекрасный город, устроенный хитро
в том смысле, что продуман он как надо:
там всё к твоим услугам от песен до метро,
от мяса и вина до авокадо.

Конечно, там хватает трагедий и проблем:
ведь без проблем мертва людская масса.
И вот они бастуют, шумят, а между тем
им всем хватает молока и мяса.

Таможенник прекрасный, ну что тебе во мне?
Корысть ли, долг ли? Что с тобой такое?
Не только ты, служивый, мы все, мой друг, в дерьме,
и оттого-то нету нам покоя.

У каждого народа — свой Бог, свое лицо.
И нам, бывает, счастье выпадает.
Вот и метем метлою парадное крыльцо...
А все-таки чего-то не хватает.

Дима Бобышев пишет фантазии
по заморскому календарю,
и они долетают до Азии —
о Европе уж не говорю.

Дима Бобышев то ли в компьютере,
то ли в ручке находит резон.
Все, что наши года перепутали,
наострился распутывать он.

Дима Бобышев славно старается,
без амбиций, светло, не спеша,
и меж нами граница стирается,
и сливаются боль и душа.

Ехал всадник на коне.
Артиллерия орала.
Танк стрелял. Душа сгорала.
Виселица на гумне...
Иллюстрация к войне.

Я, конечно, не помру:
ты мне раны перевяжешь,
слово ласковое скажешь.
Все затянется к утру...
Иллюстрация к добру.

Мир замешан на крови.
Это наш последний берег.
Может, кто и не поверит —
ниточку не оборви...
Иллюстрация к любви.

Карандаш желает истину
знать. И больше ничего.
Только вечную и чистую,
как призвание его.

И не блатом, не лекарствами —
создан словно на века.
Он как джентльмен при галстуке,
как умелец у станка.

Он не жаждет строчки прибыльной,
задыхаясь на бегу —
только б у фортуны губительной
ни на грош не быть в долгу.

И пока больной, расхристанный,
вижу райские места,
взгляд его, стальной и пристальный
не оторван от листа.

И, пока не долго длящийся
жизни путь к концу лежит,
грифелек его дымящийся
за добычею бежит.

Подступает мгла могильная,
но... уже совмещены
зов судьбы, ладонь бессильная,
запах пота и вины.

Виктору Забелышенскому

Долго гордая упряжка
через жизнь меня везла,
и счастливая ромашка
на пути моем росла.

Ехал я, еще не старый,
якоря свои рубя,
и какие-то гитары
предлагали мне себя.

Что-то бури предвещало,
бормотало все о том...
Время сказок не прощало —
это скажется потом.

Всё потом: и сожаленье,
что не выпало посметь,
и везенье, и прозренье,
и раскаянье, и смерть.

И пронзенный этим знаньем,
все запомнив назубок,
перед главным наказаньем
призадумался ездок,

не прося услад у Бога,
не прельщаясь на обман...
Все равно одна дорога —
пыль, разлука да туман.

Я вас обманывать не буду.
Мне вас обманывать нельзя:
обман и так лежит повсюду,
мы по нему идем, скользя.

Давно погашены улыбки,
вокруг болотная вода,
и в том — ни тайны, ни ошибки,
а просто горе да беда.

Когда-то в молодые годы,
когда все было невдомек,
какой-то призрачной свободы
достался мне шальной глоток.

Единственный. И без обмана
среди прочих ненадежных снов,
как сладкий яд, как с неба манна,
как дар судьбы без лишних слов.

Не в строгих правилах природы
ошибку повторять свою,
поэтому глоток свободы
я долго и счастливо пью.

ПЕСЕНКА ЛЬВА РАЗГОНА

- Лева, как ты молодо выглядишь!
- А меня долго держали
в холодильнике... (в лагере).

Я долго лежал в холодильнике,
обмыт ледяною водой.
Давно в небесах собутельники,
а я до сих пор молодой.

Преследовал Север угрозою
надежду на свет перемен,
а я пригвоздил его прозою —
пусть маленький, но феномен.

По воле судьбы или случая
я тоже растаю во мгле,
но эта надежда на лучшее
пусть светит другим на земле.

Вы говорите про Ливан...
Да что уж тот Ливан, ей-Богу!
Не дал бы Бог, чтобы Иван
на танке проложил дорогу.

Когда на танке он придет,
кто знает, что ему приспичит,
куда он дула наведет
и словно сдуру что накличет.

Когда бы странником — пустяк,
что за вопрос — когда б с любовью,
пусть за деньгой — уж лучше так,
а не с буденными и с кровью.

Тем более, что в сих местах
с глухих столетий и поныне —
и мирный пламень на крестах,
и звон малиновый в пустыне.

Тем более, что на Святой
Земле всегда пребудут с вами
и Мандельштам, и Лев Толстой,
и Александр Сергеевич сами.

А. Приставкину

Насколько мудрее законы, чем мы, брат, с тобою!
Настолько, насколько прекраснее солнце, чем тьма.
Лишь только начнешь размышлять над своею
судьбою,
как тотчас в башке — то печаль, то сума,
то тюрьма.

А долго ль еще колесить нам по этим дорогам
с тоскою в глазах и с сумой на сутулой спине?
И кто виноват, если выбор, дарованный Богом,
выходит нам боком?.. По нашей, по нашей вине.

Конечно, когда-нибудь будет конец этой драме,
а нынче все то же, что нам не понятно самим:
насколько прекрасней портрет наш в ореховой раме.
чем мы, брат, с тобою, лежащие в прахе пред ним!

* * *

А. Тарковскому

Друзья, не надейтесь на чудо,
не верьте в заморский Сезам.
Нам плакать и плакать, покуда
Москва не поверит слезам.

Тель-авивские харчевни,
забегаловок уют,
где и днем, и в час вечерний
хумус с перцем подают.

Где горячие лепешки
обжигают языки,
где от ложки до бомбежки
расстояния близки.

Там живет мой друг приезжий,
распроставшийся с Москвой,
и насмешливый, и нежный,
и снедаемый тоской.

Кипа, с темечка слетая,
не приручена пока...
Перед ним — Земля Святая,
а другая далека.

И от той, от отдаленной,
сквозь пустыни льется свет,
и ее, неуголенной,
нет страшней и слаще нет...

...Вы опять спасетесь сами.
Бог не выдаст, черт не съест.
Ну а боль навеки с вами,
боль от перемены мест.

РОМАНС

В. Никулину

В Иерусалиме первый снег.
Побелели улочки крутые.
Зонтики распахнуты у всех
красные и светло-голубые.

Наша жизнь разбита пополам,
да напрасно счет вести обидам.
Все сполна воздастся по делам
грустным и счастливым, и забытым.

И когда ударит главный час
и начнется наших душ поверка,
лишь бы только ни в одном из нас
прожитое нами не померкло.

Потому и сыплет первый снег.
В Иерусалиме небо близко.
Может быть, и короток наш век,
но его не вычеркнуть из списка.

Новой Матвеевой

Мы романтики старой закалки
из минувшей и страшной поры.
Мы явились на свет из-под палки,
чтоб воспеть городские дворы.

Струн касались рукою привычной,
и метался меж нами, как зверь,
целомудренный ангел столичный,
одурев от любви и потерь.

Ну, а нынче, запутавшись между
давней страстью своей и виной,
расплатиться хотим за надежду
самой горькой дворовой ценой.

Вот приходит Юлик Ким и смешное напевает.
А потом вдруг как заплачет, песню выплеснув
В окно.

Ничего дурного в том: в жизни всякое бывает —
то смешно, а то и грустно, то светло, а то темно.

Так за что ж его тогда не любили наши власти?
За российские ли страсти? За корейские ль глаза?
Может быть, его считали иудеем? Вот так здрасьте!
Может, чудились им в песнях диссидентов голоса?

Страхи прежние в былом. Вот он плачет и смеется,
и рассказывает людям, кто мы есть и кто он сам.
Впрочем, помнит он всегда, что веревочка-то
вьется...

Это видно по усмешке, по походке, по глазам.

Сладкое бремя, глядишь, обернется копейкою:
кровью и порохом пахнет от близких границ.
Смуглая сабра с оружием, с тоненькой шейкою
юной хозяйкой глядит из-под черных ресниц.

Как ты стоишь... как приклада рукою касаешься!
В темно-зеленую курточку облачена...
Знать, неспроста предо мною возникли, хозяйюшка,
те фронтовые, иные, м о и времена.

Может быть, наша судьба, как расхожие денежки,
что на ладонях чужих обреченно дрожат...
Вот и кричу невпопад: до свидания, девочки!
Выбора нет!.. Постарайтесь вернуться назад!..

Немоты нахлебавшись без меры,
с городской отравой в крови,
опасаюсь фанатиков веры
и надежды, и поздней любви.

Как блистательны их карнавалы —
каждый крик, каждый взгляд, каждый жест.
Но зато как горьки и усталы
окончания пышных торжеств!

Я надеялся выйти на волю.
Как мы верили сказкам, скажи?
Но мою злополучную долю
утопили во зле и во лжи.

От тоски никуда не укрыться,
от природы ее грозовой.
Между мною и небом — граница.
На границе стоит часовой.

Мне не нравится мой силуэт:
невпопад как-то скомкан и скроен.
А ведь мальчик был ладен и строен...
И надежды на лучшее нет.

Поистерся мой старый пиджак,
но уже не зову я портного:
перекройки не выдержать снова —
доплетусь до финала и так.

Но тогда почему, почему,
по капризу какому такому
ничего не прощаю другому
и перчатку швыряю ему?

Покосился мой храм на крови,
впрочем, так же, как прочие стройки.
Новогодняя ель — на помойке.
Ни надежд, ни судьбы, ни любви...

Но тогда отчего, отчего
рву листы и бумагу мараю?
Не сгорел — только все догораю
и молчанья боюсь своего?

Владимиру Фрумкину и Виктору Соколову

Калифорния в цвету. Белый храм в зеленом парке.
Отчего же в моем сердце эта горечь, эта грусть?
Я уже писал о том, как объятья наши жарки
от предчувствия разлуки. Ничего, что повторюсь.

Тайный голос высших сил. Незнакомый почерк веток.
Мы, затерянные где-то между счастьем и бедой...
Ностальгии на века не бывает — лишь на этот,
на короткий промежуток нашей жизни золотой.

Что у вас среди тех деревьев, под стеною белой храма?
Как горите — вдохновенно или так, по мере сил?
Я не знаю, где точней и страшнее наша драма,
и вернетесь ли обратно, я не знаю. Не спросил.

Я в Кёльне живу. Возле Копелева.
В Собор захожу по утрам.
Хватает еды мне и топлива,
и мало трагедий и драм.

Из этого, правда, не явствует,
что сытостью я обольщен,
и к людям, в их помыслы частные,
мой въедливый взор обращен.

А что в этих людях таинственных?
И чем они нынче полны?
И нет ли страстей в них воинственных,
а может, уколов вины?

Вот каменщик замер над кладкою,
вот с площади выметен сор,
и улицей, будто украдкою,
задумчивый едет таксёр.

Рабы философии будничной
надежнее прячут улов,
и дух круасанов из булочной
привычен, дразнящ и здоров.

Покуда пророки витийствуют
и учат, как праведно жить,
котомку фортуны единственную
хотя б до крыльца дотащить.

Как все-таки мало несхожего
во всем, что вокруг наяву...
— Ну как? — вопрошаю прохожего.
— Да так, — отвечает, — живу.

Весь город, как мальчик с обновочкой,
с какою-то тайной в глазах...
Здесь жили и Раечка с Левочкой —
да нынче она в небесах.

Мы едем на дачу к Володе,
как будто мы в кровном родстве.
Та дача в Абрамцеве вроде,
зарыта в опавшей листве.

Глядят имена музыкантов
с табличек на каждом углу,
и мы, словно хор дилетантов,
удачам возносим хвалу.

Под будничными облаками
сидим на осеннем пиру,
и грусть, что соседствует с нами,
все чаще теперь ко двору.

Минувшего голос несносный
врывается, горек, как яд...
Зачем же мы, братья и сестры,
съезжаемся в тот листопад?

Зачем из машин мы выходим?
Зачем за столом мы сидим?
И счетов как будто не сводим —
светло друг на друга глядим.

Мы — дачники, мы — простофили,
очкарики и фраера...
В каких нас давиленьях давили —
да, видно, настала пора.

Свинцом небеса налитые,
и пробил раскаянья час,
и все мы почти что святые,
но некому плакать о нас.

На даче сидим у Володи,
поближе к природе самой,
еще и не старые вроде,
а помнится... Боже ты мой!

Славная компания... Что же мне решить?
Сам я не пьющий,— друзья подливают.
Умирать не страшно — страшно не жить.
Вот какие мысли меня одолевают.

Впрочем, эти мысли высказал Вольтер.
Надо иногда почитать Вольтера.
Запад, конечно, для нас не пример.
Впрочем, я не вижу лучшего примера.

Матушки Нонна и Анна,
здесь, в Гефсиманском саду,
гром и ледовая манна
этой зимою в ходу.

Снежное крошево льется,
но до окончания лет
солнышко все же пробьется —
в этом сомнения нет.

Матушки Анна и Нонна,
что ни грозило бы впредь,
небо глядит благосклонно —
будем любить и терпеть.

Чувство меры и чувство ответственности
не присущи унылой посредственности.
Сладость жертвы и горечь вины
ей несвойственны и не даны.
Потому-то посредственность эта
не выносит полдневного света —
так и тянет ее в темноту...
И знамена кровавого цвета
прикрывают ее наготу.

МАРУСЕНЬКА

Какая грусть — лететь в полночном поезде
среди степей и прочих гиблых мест...
Едва хлебнешь начала этой повести,
опомнишься, как вдруг упрешься в Брест.

Марусенька, ты словно незаконная
вдруг вынырнешь из темного угла
и побежишь, а в сердце — дурь вагонная,
а на весу — кошелки барахла.

Там, в облаке, под крышею вокзальной
прозрачный ангел вьется и кружит.
Чем связан он с судьбой твоей печальной?
Как горек хлеб! Как времечко бежит!

Бегут за нами следом обещания
счастливых дней, которых так хотим...
Марусенька, той станции прощания,
тех фонарей огонь неотвратим.

Но будет впрок сумятица вечерняя
и добрый знак твоим молодым летам,
что тайна твоего предназначения
не здесь, не здесь — а там, а там, а там...

Пускай судьба ковры не стелет под ноги,
но не забудь совсем в иные дни,
Марусенька, сама витая в облаке,
ты обо мне украдкой помяни.

Вроцлав. Лиловые сумерки.
Первые соки земли.
Страхи вчерашние умерли,
новые — где-то вдали.

Будто на мартовском острове
не расставаясь живем,
все еще братьями-сестрами
гордо друг друга зовем.

Нашу негромкую братию
не погубило вранье.
Все еще, слава Создателю,
верим в спасенье свое.

Сколько бы мартов ни минуло,
как ни давила бы мгла,
только бы Польша не сгинула,
только б Россия смогла.

Не от гриппа, не от умопомрачения,
не на фронте, не от пули палача —
как обидно умереть от огорчения,
раньше времени растаять как свеча.

Между жизнью и смертью покачаешься,
не успеешь даже родины понять;
пообщаешься с друзьями, поотчаешься,
и пора уже итоги подбивать.

Не поплакаться уже своим родителям.
Из задуманного вышла только часть.
Не успеешь нагуляться победителем,
как выходит в побежденные попасть.

Мимо кладбища едет купец молодой,
теплой пылью дороженьку вымостив.
Колокольчик звенит под дугой золотой:
видно, Бог к нему все еще милостив.

Ни тревоги какой, ни беды под рукой,
ни тоски, под колеса подброшенной,
и вокруг как в раю, да и сам он такой —
не незванный, не лишний, а прощенный.

Ни морщинки пока на счастливом лице,
невдомек ему горечь прощания.
Ждут подарки его на заветном крыльце,
и счастливые ждут обещания.

Он другим оставляет суму и тюрьму,
что легко своим ближним даруем мы,
и разлуки — другим, а себе самому —
только празднички, да с поцелуями.

А послушать: как песни покуда чисты,
как безвинны пока прегрешения...
И плывут мимо брички кресты да кресты,
как природы живой украшения.

Со скоростью сто сорок километров
под музыку ночных французских ветров
я ехал из Нормандии в Париж.
Откинувшись лениво на сиденье,
не в «Жигулях» я ехал — в «ситроене»,
московский запоздалый нувориш.

Я песни пел, я с Францией общался,
в Париж к своим пенатам возвращался,
и не понять, откуда что бралось.
Я был почти что наверху блаженства,
и каждый жест был полон совершенства...
Как что-то вдруг во мне оборвалось.

Припомнилось, привиделось, приснилось,
пригрезилось, и все остановилось
на том углу, где был я юн и слеп,
в землянке той, не слишком-то удобной,
перед лицом моей фортуны злобной
я выронил из рук свой сладкий хлеб.

Грядущего бытья нечеткий профиль:
пора считать, да вроде час не пробил,
пора забыть, да как-то не с руки...
Что это было, Господи мой Боже?!
Нормандия. Апрель. Мороз по коже.
Ночной пейзаж. И все — не пустяки.

Не то движенье это скоростное,
а может, просто что-то возрастное:
все радости — гори они в огне...
Когда-нибудь за жизнь свою вторую
я это все, конечно, расшифрую,
а нынче это недоступно мне.

Прощайте, стихи, ваши строки и ваши намеки и
струны,
и ваши вулканы погасли, и, видимо, пробил тот час...
И вот по капризу природы, по тайному знаку фортуны
решается эта загадка:
кто будет услышан из вас.

Когда вы так странно рождались, как будто входили
без спроса,
как будто с блаженной улыбкой с господского
ели стола,
вам все удавалось отменно, и были наглы вы,
а проза
была, словно нищенка, нема и словно подачки ждала.

Но вот, словно молнии, стрелы в глазах неподвижных
проснулись,
Но вспыхнули, зарозовели неюные щеки ее.
И тотчас гусиные перья шершавой бумаги коснулись,
и тотчас ушли, не прощаясь, и быт, и беда, и вранье.

А там уж как Бог пожелает, а там уж
как время захочет,
а там, что подскажет природа, а там, что позволят
грехи...
Покуда шершавой бумаги хоть капля слезы не омочит,
кто знает — что проза такое? Кто знает, что
значит — стихи?

АМЕРИКАНСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Л. Лосеву

Столица северного штата — прекрасный город
Монпелье.
Однако здесь жара такая, что хочется ходить в белье.
Да, да, в белье. Да, да, в исподнем. Да, да, пусть даже
в прошлогоднем,
а впрочем, лучше без него.
Как в том дарованном господнем, чтобы предстать
перед этим полднем
рисунком тела своего.

Да, да, пожалуй, обнаженным, лишь долларами
снаряженным,
в ладошке потной их держа,
И с этой потною ладошкой, как будто с деревянной
ложкой,
перед витринами кружа.

Моя московская ладошка, в тебя вложить совсем
немножко,
и эти райские места благословят мои уста.
Мои арбатские привычки к пустому хлебу и водичке
здесь обрывают тормоза, когда витрины бьют в глаза.

Удар — и вой в пустом желудке, не слишком
явственный, но жуткий,
людей пугающий окрест.
Но этот тип, на вид опасный — всего лишь странничек
несчастный,
и он Вермонта не обьест.

Глоток -- и все преобразилось: какая жизнь, скажи
на милость!

Я распрямляюсь наяву.

Еще глоток — и что там будет: простит ли Бог
или осудит,

что так несправедно живу?

Да, этот тип в моем обличьи, он так беспомощен
по-птичьи,

так по-арбатски бестолков.

Он раб минувших сантиментов, но кофию за
сорок центов

ему плесните без долгов.

Дитя родного общепита, пустой еды, худого быта,
готов к свершениям опять.

И снова брюхо его сыто, но... на ногах растут копыта,
да некому их подковать.

Америка в оцепененьи: пред ней прыжками, по-оленьи
я по траве вермонтской мчусь.

И, непосредствен, словно птица, учу вермонтцев
материться

и мату ихнему учусь.

Мне нравится то, что в отдельном
фанерном домишке живу.
и то, что недугом смертельным
еще не сражен наяву,
и то, что погодам метельным
легко предаюсь без затей,
и то, что режимом постельным
не брезгаю с юных ногтей.

Но так, чтобы позже ложиться,
и так, чтобы раньше вставать,
а после обеда свалиться
на жесткое ложе опять.
Пугают меня, что продлится
недолго подобная блажь...
Но жив я, мне сладко ложится —
за это чего не отдашь?

Сперва с аппетитом отличным
съедаю нехитрый обед
и в пику безумцам столичным
ныряю под клетчатый плед,
а после в порыве сердечном,
пока за глазами черно,
меж вечным и меж быстротечным
ищу золотое зерно.

Вот так и живу в Подмосковье,
в заснеженном этом раю,
свое укрепляя здоровье
и душу смиряя свою.

Смешны мне хула и злословье
и сладкие речи смешны,
слышны мне лишь выхлопы крови
да арии птичьи слышны.

Покуда старается гений
закон разгадать мировой,
покуда минувшего тени
плывут над его головой
и редкие вспышки прозрений
теснят его с разных сторон,
мой вечер из неги и лени
небесной рукой сотворен.

И падает, падает наземь
загадочный дождик с небес.
Неистовой он раз за разом,
хоть силы земные в обрез.
И вот уж противится разум,
и даже слабеет рука,
но будничным этим рассказом
я вас развлекаю слегка.

На самом-то деле, представьте,
загадочней все и страшней,
и голос фортуны некстати,
и черные крылья за ней,
и вместо напрасных проклятий,
смирив слепой их обвал,
бегу от постыдных объятий
еще не остывших похвал.

Во мгле переделкинской пуши,
в разводах еловых стволов,
чем он торопливей, тем гуще,
поток из загадок и слов.

Пока ж я на волю отпущен,
и слово со мной заодно,
меж прожитым и меж грядущим
ищу золотое зерно.

Вот комната эта — храни ее Бог! —
мой дом, мою крепость и волю.
Четыре стены, потолок и порог,
и тень моя с хлебом и солью.

И в комнате этой ночью порой
я к жизни иной прикасаюсь.
Но в комнате этой, отнюдь не герой,
я плачу, молюсь и спасаюсь.

В ней все соразмерно желаньям моим —
то облик берлоги, то храма,—
в ней жизнь моя тает, густая, как дым,
короткая, как телеграмма.

Пока вы возносите небу хвалу,
пока укоряете время,
меня приглашает фортуна к столу
нести свое сладкое бремя.

Покуда по свету разносит молва,
что будто я зло низвергаю,
я просто слагаю слова и слова,
и чувства свои излагаю.

Судьба и перо, по бумаге шурша,
стараются, лезут из кожи.
Растрачены силы, сгорает душа,
а там, за окошком, все то же.

Мерзляковский переулок
так приятен для прогулок,
Там не выпекают булок,
зато музыка звучит.
Да, звучит она, хоть тресни,
даже если люд окрестный
дни печальные влачит.

Этот остров музыкальный
то счастливый, то печальный
возвышается в тиши.
Этот остров неизбежный,
словно знак твоей надежды,
словно флаг моей души.

С нами дни его пребудут,
даже если позабудут,
как тот остров величать.
Даже если зло восстанет,
даже если перестанет
мир права свои качать...
будет музыка звучать.

Не уезжай, жена моя, в леса
ни в лодке, ни в машине, ни в телеге.
Провидческие слышу голоса...
Еще нам предстоит разъезд навеки.

Его приход, увы, неумолим,
его шаги расчетливы и скоры.
Повременим, мой друг, повременим
седлать коней и заводить моторы.

Из бытия земного своего
в грядущие не верю обещаья —
ведь там уже не будет ничего:
ни боли, ни прощенья, ни прощанья.

И поражений горьких и побед
и жертвы и охотники мы сами...
Не уезжай, мой ангел: счастья нет,
тем более за дальними лесами.

Полночь над Босфором. Время тишины.
Но в стамбульском мраке, что велик и нем,
крики моих предков преданных слышны...
Инч пити асем? Инч пити анем? ¹

Если б можно было, как заведено,
вытравить из сердца, позабыть совсем!
Но на древних плитах — черное пятно...
Инч пити анем? Инч пити асем?

Это ль не отравя? Это ли не яд?
Полночь быстротечна. Времени в обрез.
Если я не знаю, ты, мой дальний брат,
Инч пити асес? Инч пити анес?! ²

¹ Что должен сказать? Что должен сделать? (арм.)

² Что скажешь? Что сделаешь? (арм.)

ТУРЕЦКАЯ ФАНТАЗИЯ

Виртуозней и ловчее истамбульского шофера
в целом свете, как ни бейся, не найти.
Каждый выезд — авантюра, приключение, афера,
роковые неурядицы в пути.

Он садится на сиденье в предвкушенье наслаждений,
он сознательно готовится к борьбе.
Сколько в граде Истамбуле непредвиденных течений,
где спасение таится лишь в судьбе.

Но судьба, как я заметил, это детище счастливых,
это им звучит мотив ее трубы,
ну а тем, кто видит счастье лишь в движениях
суетливых,
не до жиру, не до милостей судьбы.

Вот Ахмет, он спозаранку, чуть поел — и за баранку.
Он и кучер, он и рыцарь, он и плут,
и езда усугубляет его гордую осанку,
хоть шоферы ему форы не дают.

И когда машин лавины, словно танки, словно льдины
разнести его на части норовят,
тут ему подспорьем служат опыт, риск, и жест единый,
и судьба, и обаянье — все подряд.

Да, он вымотан, конечно. Да, чело покрыто потом,
но в какой-нибудь случайной чайхане
он, отхлебывая чинно чай густой, что пахнет медом,
как паломник исповедуется мне.

И сливаются нежданно лики Запада с Востоком,
кейф — с безумием, пускай лишь раз на дню,
но и скорбь о самом низком, но и мысли о высоком
под ленивую под нашу болтовню.

А потом опять баранка и коварная дорога,
и умение, и страсть, и волшебство...
Все безумное от Бога, все разумное от Бога,
человеческое тоже от него.

Ты, живущий вне наших сомнений и драм,
расточающий благостный свет по утрам.
Ты, кому с придыханием мы говорим:
Тешекюр эдерим! Тешекюр эдерим! ¹
Ты, кого за печали свои не корим
и дороги к кому в бездорожье торим,
и за то, что живем, и за то, что горим,
и за все, что во имя Твое мы творим,
Тешекюр эдерим! Тешекюр эдерим!

¹ Благодарствуй! (*тур.*)

Сочиняет плов Мазлум из баранины и риса.
Жир бурлит, вода клокочет, пламя пышет в камельке.
И ковбоекка на нем золотая, словно риза,
и поношенные джинсы, и половничек в руке.

Он стучит по котелку, будто все не достучится.
Пахнет дом травой, и дымом, и землею, и водой.
Жир задумчивый течет, рис рассыпчатый струится,
и Мазлум над ним колдует, молодой и чуть седой.

Он турецкий любит плов, а любой другой не любит.
Плову — наша благодарность, сочинителю — почет.
Или голод нас сомнет, или сытость нас погубит,
или-или, или-или, или нечет — или чет.

Анатолию Рыбакову

Европа пьет водичку из Босфора
и Азия. Вода на всех одна.
Босфор для них — дорога и опора,
но кровь веков на дне его видна.

Неужто ради золота и пищи
от лет молодых до гробовой доски
мы столько поистратили кровищи,
что сердце холодеет от тоски?

За все платить приходится жестоко.
Все остальное — суета и прах.
За черный камень, брошенный в пророка,
за слезы на его похоронах.

Когда придут большие перемены —
не ради власти, злата и жратвы
очнется мир и вскрыет себе вены
длиною от Босфора до Москвы.

КРАСНЫЙ КЛЕН

Красный клен, мое почтение!
Добрый день, вермонтский друг!
Азбуки твоей прочтение
занимает мой досуг.

Каждый лист твой что-то важное
говорит ученику
в это жаркое и влажное
время года на веку.

Здесь из норвичского скверика
открывается глазам
первозданная Америка,
та, что знал по «голосам».

Здесь, как грамота охранная,
выдана на сорок дней
жизнь короткая и странная
мне и женщине моей.

Красный клен, в твоей обители
нет скорбящих никого.
Разгляди среди всех и выдели
матерь сына моего.

Красный клен, рукой божественной,
захиревшей на Руси,
приголубь нас с этой женщиной,
защити нас и спаси.

ЖАРКИЙ ПОЛДЕНЬ В МАССАЧУСЕТСЕ

Джонатан Афферики

Какая-то птичка какой-то свисточек
настроила вдруг на июль голубой.
Не знает заботы, поет и стрекочет,
не помнит ни зла, ни обид за собой.

О, как неожидан дебют ее сольный!
Он так поражает и сердце и слух,
как дух Массачусетса, жаркий и вольный,
как Латвии дальней полуденный дух.

Я музыку эту лелею и холю
и каждую ноту ловлю и ценю,
как вновь обретенную вольную волю,
которую сам же всю жизнь хороню...

Шуршание клена. Молчанье гранита.
И птичка, поющая соло свое.
И трудно понять, где таится граница
меж болью моею и песней ее.

Б. Чичибабину

Я вам описываю жизнь
свою, и больше никакую.

Я вам описываю жизнь
свою, и только лишь свою.

Каким я вижу этот свет, как я люблю и протестую,
всю подноготную живую у этой жизни на краю.

И с краюшка того бытья, с последней той ступеньки
шаткой,
из позднего того окошка, и заывая и маня,
мне представляется она такой бескрайнею и сладкой,
как будто дальняя дорога опять открылась для меня.

Как будто это для меня: березы белой лист багряный,
рябины красной лист узорный и дуба черная кора,
и по капризу моему клубится утренник туманный,
по прихоти моей счастливой стоит сентябрьская пора.

Мне все известно. Я устал все знать
и все предвидеть.
А между тем как запросто опять
меня обидеть.

Как мало значу я без гордых сил,
в костюме зашитый.
Мой опыт мне совсем не накопил
от бед защиты.

Судьба моя, беспомощна сама,
и в ус не дует.
История, сходящая с ума,
со мной флиртует.

Флиртуй, флиртуй, сентябрьская ночь,
кажись забавной.
Невыносимо, но не превозмочь
разлуки главной.

Она стоит как стрелочник за мной —
служака честный —
и отправляет мой состав земной
в тупик небесный.

Лену Карпинскому

Шестидесятники развенчивать усатого должны,
и им для этого особые приказы не нужны:
они и сами, словно кони боевые,
и бьют копытами, пока еще живые.

Ну а кому еще рассчитывать в той драке на успех?
Не зря кровавые отметины видны на них на всех.
Они хлебнули этих бед не понаслышке.
Им всё маячило — от высылки до вышки.

Судьба велит шестидесятникам исполнить этот долг,
и в этом их предназначение, особый смысл и толк.
Ну а приказчики, влюбленные в деспота,
пусть огрызаются — такая их работа.

Шестидесятникам не кажется, что жизнь сгорела зря:
они поставили на родину, короче говоря.
Она, конечно, в суете о них забудет,
но ведь одна она. Другой уже не будет.

Когда известный русский царь в своей поддевочке
короткой,
усмешкой странной на губах и журавлиною походкой
напоминая давний свой портрет в ореховом овале,
входил в присутствие, то все присутствующие
вставали.

В присутствии вставали все, хоть на царе была
поддевка.
Неважно, что таилось в ней: дань старине или издевка.
Не думая, как взглянем мы на них — с надеждой
или болью,—
они вставали, словно лес, и ран не посыпали солью.

Присутствующие тех лет, предшествующих тем
и прочим,
не оставлявшие следов достойных у порогов отчих,
стремятся в райские врата, все гимны скопом
прооравши,
киркой, лопатой и пером ни разу рук не замаравши.

И мы, присутствуя при сем со дня рожденья
и до смерти,
так расточительны подчас и так жалки в своем усердьи,
что лишь по нашему труду, по нашей лишь
недоброй воле
растет, растет цена на соль тем более, чем больше
боли.

Не обязательны пуля и кнут,
чтобы холопов плодить повсеместно.
Голод и холод почище согнут,
и унижения — это известно.

Если напрасною станет борьба
и недоступнее вновь перемена,
выйдут в ответчики рок и судьба,
и провидение — все непременно.

Что же валить понапрасну на них?
Разве от этого счастья прибудет?
Нам бы удачи хотя б на двоих —
всем остальным облегчение будет.

Я рад бы был покоем восхититься,
но нет его. Тяжки судьбы удары.
Простите меня, турки-месхетинцы!
Простите меня, крымские татары!

Когда вас под конвоем вывозили,
когда вы на чужбине вымирали,
вы ведь м е н я о помощи просили,
к о м н е свои ладони простирали.

Когда на мушку брали вас подонки,
вы ведь м е н я просили о защите...
Когда-нибудь предъявят счет потомки
мне одному...

Я вас прошу: простите!

Скрипят на новый лад все перья золотые.
Страшают рай и ад то зноем, то грозой.
Поэты молодые не ставят запятые,
но плачут, как и мы, горючею слезой.

Вот милое лицо искажено печалью.
Вот вскинута ладонь под кромку топора.
И этот скорбный жест все разгадать не чаю.
Понять бы уж пора, что каяться пора.

Соединив души отчаянье и трепет,
и трещинку в стене, и облачко тоски,
фантазия моя свое подобье слепит
и воспроизведет разбитое в куски:

ту трещинку в стене, ту фортку, что разбита,
тот первый сквознячок, что в ней проголосил...
Не катастрофа, нет, а так — гримасы быта.
Пора бы починить, да не хватает сил.

Мой дом стоит в лесу. Мой лес в окно глядится.
Окно выходит в лес. В лесу пока темно.
За лесом — божий мир: Россия, Заграница —
на перекрестке том, где быть им суждено.

КАЛУЖСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Н. Коржавину

Кони красные купаются в зеленом водоеме.
Может, пруд, а может, озеро, а то и океан.
Молодой красивый конюх развалился на соломе —
он не весел, он не грустен, он не болен и не пьян.

Он из местных, он из честных, он из конюхов
 безвестных,
он типичный представитель славной армии труда.
Рядом с ним сидит инструктор в одеяниях воскресных:
в синем галстуке, в жилетке. Тоже трезв, как никогда.

А над ним сидит начальник — главный этого района.
Областной — слегка поодаль. Дальше — присланный
 Москвой...
И у этого-то, кстати, ну не то чтобы корона,
но какое-то сиянье над кудрявой головой.

Волны к берегу стремятся, кони тонут друг за другом.
Конюх спит, инструктор плачет, главный делает
 доклад,
а москвич командировочный как бабочка над лугом,
и в глазах его столичных кони мчатся на парад.

Там вожди на мавзолее: Сталин, Молотов, Буденный,
и ладошками своими скромно машут: нет-нет-нет...
То есть вы, мол, маршируйте по степи по полуденной,
ну а мы, мол, ваши слуги — значит, с нас и спросу нет.

Кстати, конюх тоже видит сон, что он на мавзолее, что стоит, не удивляется величию своему, что инструктор городского комитета, не жалея ни спины и ни усердья, поклоняется ему.

Эта яркая картина неспроста его коснулась: он стоял на мавзолее, широко разинув рот!..
...Кони все на дне лежали, но душа его проснулась, и мелькал перед глазами славных лет круговорот.

Антону

Весь этот век, такой бесплодный —
есть дело наших горьких рук,
и только грамотою нотной
исправить можно сей недуг.

Когда народ от горя плачет,
тараща в ужасе зрачки,
хоть мало их — но много значат
простые нотные значки.

За мнимой этой простотою
под грифельком карандаша
с невыразимой остротою
вдруг раскрывается душа.

Да, да, средь тех крючков потешных
на тех линейках прописных
рождается из мук безбрежных
земное выраженье их.

Рождается как продолженье
мычанья пересошим ртом.
И всё — над бездною скольженье...
А музыка — она потом.

НЕСЧАСТЬЕ

Когда бы Несчастье явилось ко мне
в обличии рыцаря да на коне,
грозящем со мной не стесняться,—
я мог бы над ним посмеяться.

Когда бы оно мою жизнь и покой
пыталось разрушить железной рукой
и лик Его злом искажался,—
уж я бы над Ним потешался.

Но дело все в том, что в природе Оно
неясною мерою растворено
и в тучке, и в птичке взлетевшей,
и в брани, что бросил сосед на ходу,
в усмешке, мелькнувшей в минувшем году,
в газете, давно пожелтевшей.

Но в том-то и дело, что нам не видать,
когда Ему выпадет нас испытать
на силу, на волю, на долю.
Как будто бы рядом и нету Его,
как будто бы нет вообще ничего —
а раны посыпаны солью.

Нельзя быть подверженным столь уж всерьез
предчувствиям горьким насмешек и слез,
возможной разлуки и смерти...
Гляди: у тебя изменилось лицо!
Гляди: ты боишься ступить на крыльцо,
и пальцы дрожат на конверте!

И все ж не Ему достаются права,
и все же бессильны его жернова:
и ты на ногах остаешься,
и, маленький, слабый, худой и больной,
нет-нет да объедешь Его стороной,
уйдешь от Него, увернешься.

Наверно, в амбарах души и в крови
хранятся запасы надежд и любви
(а даром они не даются).

И вот, утверждая свое торжество,
бывает, срываешь погоны с Него...
Откуда и силы берутся?

ШМЕЛЬ В МАССАЧУСЕТСЕ

Ну надо же: шмель подмосковный
откуда куда залетел!
А свой пиджачишко посконный
для пущего форса надел.

А свой локоточек протертый
под крылышко спрятал слегка,
а лапкой как будто нетвердой
коснулся живого цветка.

Не склонный отнюдь к сантиментам,
он словно из ковшика пил
и с русским как будто акцентом
английские фразы бубнил.

Потом покачал головою,
пыльцу утирая со щек...
И вновь загудел над травкою
шаляпинский чистый басок.

МАНХЭТТЕН

Променады по Манхэттену... Загадочен Манхэттен!
Даже стреляный арбатец и начитанный при этом
удивляется, как топчется на стертom пяточке
забастовщик в черном галстуке, в тугом воротничке.

Или видит он воочию бродвейскую премьеру,
или хиппи, или мусорщика стройного не в меру
и различные картинки в этой каменной глуши:
ленты, кружева, ботинки — что угодно для души!

И тогда его охватывает, этого арбатца,
мир, в который ему выпало так призрачно пробраться,
и хотя над ним трепещут еще прежние крыла,
но в башке уже колотятся нью-йоркские дела.

Мир компьютеров и кнопок!.. Чем же мы не угодили?
Отчего же своевременно нас не предупредили,
чтоб мы знали: что посеем — то и будем пожинать?..
Отчего нас не на кнопочки учили нажимать?

Кто мы есть? За что нам это?

Что нас ждет и что поможет?

Или снова нас надежда на удачу облапошит?

Или все же в грудь сомнений просочится тайный яд?

Или буду я, как прежде, облапошиваться рад?

ЗВЕЗДА ГОЛЛИВУДА

Д. А. Половец

Вот Дина Абрамовна

с улыбкой Фаины Раневской,
с ее же глазами, которых не спутаешь: не с кем,
еврейская женщина родом от Красных ворот,
где все расколосось однажды,

а в поисках адреса
возможно, представьте, попасть и в объятья
Лос-Анджелеса,
что реже случается именно наоборот.

Да, это, конечно, значительно реже случается.
И надо же так нахлебаться, нажраться, отчаяться,
что станут профессией Боль, и Надежда, и Даль.
А там уж, естественно, белых платочков махание
и радостный вздох, а потом затрудненность дыхания,
поскольку разлука — не только «отчаль да причаль».

И вот она в городе, где проживают колибри
и Господа славят, где домики к скалам прилипли,
а рядом течет по-арбатски знакомо Ферфакс...
И если взглядеться в его тротуары отсюда,
вы, Дина Абрамовна, словно звезда Голливуда,
плывете спокойно. В авто. Мимо них. Просто так-с.

Вы — армия перед походом
в преддверии грозных атак.
Отставка вчерашним свободам!
Все собрано в жесткий кулак.

Соперника профиль неясный
все четче под жгучим огнем,
и ваши солдаты прекрасны
в воинственном раже своем.

Все будет, как в том, сорок пятом:
приходит с едой аппетит.
И армия свой ультиматум
предъявит, когда победит.

Рассеется дым над полями,
но вы — уже войско без крыл,
с обозами, с госпиталями,
с надгробьями братских могил.

На улице моей беды стоит ненастная погода,
шумят осенние деревья, листвою блеклою соря.
На улице моих утрат зиме господствовать полгода:
все ближе, все неумолимей разбойный холод декабря.

На улице моей души то снег вздохнет, то дождь
проплещет,
то вдруг загадочно застонет вдали последнее село...
Еще за окнами темно, но раскрывается, трепещет
похожее на парус робкий синицы легкое крыло.

На улице моей судьбы не все возвышенно и гладко...
Но теплых стен скупая кладка? А дым колечком
из трубы?
А звук неумершей трубы, хоть все так призрачно и
шатко?
А та синица, как загадка, на улице моей судьбы?..

Ах, если б знать заранее, заранее, заранее,
что будет не напрасным горение, сгорание
терпения и веры, любви и волшебства,
трагического после, счастливого сперва.

Никто на едкий вызов ответа не получит.
Напрасны наши споры.

Вот Лермонтов-поручик.
Он некрасив, нескладен, и всё вокруг серо,
но как же он прекрасен, когда в руке перо!

Вот Александр Сергеич, он в поиске и муке,
да козыри лукавы и не даются в руки,
их силуэты брезжут на дне души его...
Терпение и вера, любовь и волшебство!

Все гаснет понемногу: надежды и смятенье.
К иным, к иным высотам возносятся их тени.
А жизнь неутомимо вращает колесо,
но искры остаются.

И это хорошо.

И вот я замечаю, хоть и не мистик вроде,
какие-то намеки в октябрьской природе:
не просто пробужденье мелодий и кистей,
а даже возроденье умолкнувших страстей.

Все в мире созревает в борениях и встрясках.
Не спорьте понапрасну о линиях и красках.
Пусть каждый, изнывая, достигнет своего...
Терпение и вера, любовь и волшебство!

* * *

Ю. Домбровскому

Разве лев — царь зверей? Человек — царь зверей.
Вот он выйдет с утра из квартиры своей,
он посмотрит кругом, улыбнется...
Целый мир перед ним содрогнется.

Решайте, решайте, решайте
за Марью, за Дарью, за всех.
И в череп свой круглый вмещайте
их слезы, позор и успех.
Конечно, за голову эту
при жизни гроша не дадут...
Когда же по белому свету
вас в черных цепях поведут,
сначала толпа соберется,
потом как волна опадет...
И Марья от вас отвернется,
и Дарья плечами пожмет.

Нашему дикому обществу нужен тиран во главе.
Чем соблазнить обывателя?

Тайна в его голове,
в этом сосуде, в извилинах, в недрах его вещества —
скрыт за улыбкой умильною злобный портрет
большинства.

К цели заветной и праведной узкая вьется тропа.
Общество, мир, население, публика, масса, толпа,
как они сосредоточенно (оторопь даже берет)
движутся, верят... И все-таки это еще не народ.

Не обольститься б истерикой, не доверять никому,
тем, что клянутся расхристанно в верной любви
к нему.
Эта промашка нелепая может возникнуть в толпе.
Видел все это воочию. Знаю про то по себе.

Пишу роман. Тетрадка в клеточку.
Пишу роман. Страницы рву.
Февраль к стеклу подставил веточку,
чтоб так я жил, пока живу.

Шуршат, шуршат листы тетрадные,
чисты, как аиста крыло,
а я ищу слова нескладные
о том, что было и прошло.

А вам как бы с полета птичьего
мерещится всегда одно —
лишь то, что было возвеличено,
лишь то, что в прах обращено.

Но вам сквозь ту бумагу белую
не разглядеть, что слезы лью,
что я люблю отчизну бедную,
как маму бедную мою.

Париж для того, чтоб ходить по нему,
глазеть на него, изумляться,
грозящему бездной концу своему
не верить и жить не бояться.

Он благоуханием так умащен,
таким он мне весь достается,
как будто я понят уже и прощен,
и праздновать лишь остается.

Париж для того, чтоб, забыв хоть на час
борения крови и классов,
войти мимоходом в кафе «Монпарнас»,
где ждет меня Вика Некрасов.

К старости косточки стали болеть,
старая рана нет-нет и заноеет.
Стоило ли воскресать и гореть?
Все, что исхожено, что оно стоит?

Вон ведь какая прогорклая мгла!
Лето кончается. Лета уж близко.
Мама меня от беды берегла,
Бога просила о том, атеистка,
карагандинской фортуны своей
лик, искореженный злом, проклиная...

Что там за проволокой?
Соловей,
смолкший давно, да отчизна больная.

Все, что мерещилось, в прах сожжено.
Так, лишь какая-то малость в остатке...
Вот, мой любезный, какое кино
я досмотрел на седьмом-то десятке!

«Так тебе, праведник!» — крикнет злодей.
«Вот тебе, грешничек!» — праведник кинет...
Я не прощенья прошу у людей:
что их прощение?
Вспыхнет и сгинет.

Так и качаюсь на самом краю
и на свечу несгоревшую дую...
Скоро увижу я маму мою,
стройную, гордую и молодую.

Анджею Мандальяну

По Польше елочки бегут. Над Польшей птицы
пролетают.
Видны задумчивые лица и голубые небеса.
И снова сводит нас судьба, и эти встречи обещают
любовь и слезы, и надежды, и неземные чудеса.

Когда бы грянул яркий свет, чтоб жить нам
в идеальном мире
среди нетоптаной природы, не зная горечи разлук!..
А тут хотя бы так, мой друг, в твоей прокуренной
квартире,
в твоих видавших виды креслах согрело б нас
пожатые рук.

Не будем плакать о былом. Пускай все так —
и это дело.
Успеть бы сердцем поделиться, последний снег смести
с крыльца...
По Польше елочки бегут, и, значит, Польша
не сгинела,
а если Польша не сгинела — еще далече до конца.

Л. Люкисону

Из Австралии Лёва в Москву прилетел,
до сестры на машине дожал.
Из окошка такси на Москву поглядел:
холодок по спине пробежал.

Нынче лик у Москвы ну не то чтоб жесток —
не стреляет, в баранку не гнет.
Вдруг возьмёт да и спросит: «Боишься, жидок?»
и с усмешкою вслед подмигнет.

Там, в Австралии вашей, наверно, жара
и лафа — не опишешь пером!
А в Москве нынче хуже, чем было вчера,
но получше, чем в тридцать седьмом.

По Безбожному, Лёва, пройдишь не спеша
и в знакомые лица взглядишь:
у Москвы, может быть, и не злая душа,
но удачливым в ней не родись.

На странную музыку сумрак горазд,
как будто природа пристанище ищет:
то голое дерево голос подаст,
то почва вздохнет, а то ветер просвищет.

Все злей эти звуки, чем ближе к зиме
и чем откровеннее горечь и полночь.
Там дальние кто-то страдают во тьме
за дверью глухой, призывая на помощь.

Там чьей-то слезой затуманенный взор,
которого ветви уже не упрячут...
И дверь распахну я и брошусь во двор:
а это в дому моем стонут и плачут.

Прикатить на берег крымский и на Турцию глядеть,
а потом взмахнуть руками, поднапрячься и взлететь
по чудесному капризу, по небесному лучу...

Проплывают лодки, рыбы, все плывет, а я лечу!

Пролетаю я над морем, над стамбульской Галатой.
Подо мною жизнь иная, Рог, довольно Золотой,
минареты и трамваи, и бараньи шашлыки...

А у нас — одни заботы, только слезы да штыки.

Вот стою уже я прочно на стамбульском берегу,
но гляжу на крымский берег, изогнувшийся в дугу.
Шею вытянул до хруста, мысли черные гоня:
неужели все впустую? Как там нынче без меня?

Что за грозные решенья долетают сквозь туман?

То ли впрямь разоруженье, то ли заново обман?

Что там будет? Кем мы были? Кто мы есть

и что нас ждет?..

А на пристани турецкий собирается народ.

Все дела давно забыты, и веселье, и уют,
и они не тостов праздных и не манны с неба ждут,
ждут, чтобы Мазлум с Ахматом здесь, на краешке
земли,
с русского на их турецкий боль мою перевели.

Б. Ахмадушиной

Чувство собственного достоинства — вот загадочный
инструмент:
созидается он столетьями, а утрачивается в момент,
под бомбежку ли, под гармошку ли, под красивую
ль болтовню
иссушается, разрушается, сокрушается на корню.

Чувство собственного достоинства — вот таинственная
стезя,
на которой разбиться запросто, но с которой
свернуть нельзя,
потому что без промедления, вдохновенный, чистый,
живой,
растворится, в пыль превратится человеческий образ
твой.

Чувство собственного достоинства — это просто
портрет любви.
Я люблю вас, мои товарищи, — боль и нежность
в моей крови.
Что б там тьма и зло ни пророчили, кроме
этого ничего
не придумало человечество для спасения своего.

Власть — администрация, а не божество.
Мы же все воспитывались в поклонении власти.
В этом был наш стимул, в этом было счастье...
Вот мы и холопствуем все до одного.
Рабствуем, усердствуем, спины гнем в дугу —
страстотерпцы, праведники, воры, прохиндеи,
западники, почвенники, добрые, злодеи,
бездари, талантливые...
Больше не могу!

* * *

Б. Слуцкому

Вселенский опыт говорит,
что погибают царства
не оттого, что тяжек быт
или страшны мытарства.
А погибают оттого
(и тем больней, чем дольше),
что люди царства своего
не уважают больше.

Памяти А. Д. Сахарова

Когда начинается речь, что пропала духовность,
что людям отныне дорога сквозь темень лежит,
в глазах удивленных и в душах святая готовность
пойти и погибнуть, как новое пламя, дрожит.

И это не есть обольщение или ошибка,
а это действительно гордое пламя костра,
и в пламени праведном этом надежды улыбка
на бледных губах проступает, и совесть остра.

Полночные их силуэты пугают загадкой.
С фортуны не спросишь — она свои тайны хранит.
И рано еще упиваться победою сладкой,
еще до рассвета далече... И сердце щемит.

Антону

Что-то сыночек мой уединением стал тяготиться.
Разве прекрасное в шумной компании может родиться?
Там и мыслишки, внезапно явившейся, не уберечь:
в уши разверстые только напрасная просится речь.

Папочка твой не случайно сработал надежный
свой кокон.
Он состоит из дубовых дверей и зашторенных
окон.

Он состоит из надменных замков и щеколд золотых...
Лица незваные с благоговением смотрят на них.

Чем же твой папочка в коконе этом прокуренном
занят?

Верит ли в то, что перо не продаст, что строка
не обманет?

Верит ли вновь, как всю жизнь, в оболщения
вечных химер:
в гибель зловещего Зла и в победу Добра, например?

Шумные гости, не то чтобы циники — дети стихии,
ищут себе вдохновенья и радостей в годы лихие,
не замечая, как вновь во все стороны щепки летят,
черного Зла не боятся, да вот и Добра не хотят.

Все справедливо. Там новые звуки рождаются глухо.
Это мелодия. К ней и повернуто папочки ухо.
Но неуверенно как-то склоняется вниз голова:
музыка нравится, но непонятные льются слова.

Папочка делает вид, что и нынче он истиной правит.
То ли и впрямь не устал обольщаться, а то ли лукавит,
что, мол, гармония с верою будут в одно сведены...
Только никто не дает за нее даже малой цены.

Все справедливо. И пусть он лелеет и холит
свой кокон.

Вы же ликуйте и иронизируйте шумно и скопом,
но погрузите хотя бы, увидев, как сходит на нет
серый, чужой, старомодный, сутулый его силуэт.

Кириллу Померанцеву

Как хорошо, что Зворыкин уехал
и телевиденье там изобрел!
Если бы он из страны не уехал,
он бы, как все, на Голгофу взошел.

И не сидели бы мы у экранов,
и не пытались бы время понять,
и откровения прежних обманов
были бы нам недоступны опять.

Как хорошо, что уехал Набоков,
тайны разлуки ни с кем не деля,
Как пофартило! А скольких пророков
не защитила родная земля!

Был этот фарт ну не очень-то сладок.
Как ни старалась беда за двоих,
все же не выпали в мутный осадок
тернии их и прозрения их.

Как хорошо, что в прозрении трудном
наши глаза застилают слеза!
Даже и я, брат, в моем неуютном
благополучии зрю небеса.

Что же еще остается нам, кроме
этих, еще не разбитых оков?..
Впрочем, платить своей болью и кровью —
это ль не жребий во веки веков?

ЯПОНСКАЯ ФАНТАЗИЯ

Когда за окнами земля кружиться перестала,
тогда Япония сама глазам моим предстала,
спеша, усердствуя, молясь, и плача, и маня...
Друзья мои, себя храня, молитесь за меня.

Пойду пройтись ночной порой на Гиндзу золотую,
костер удачи распалю, свечу обид задую.
Не зря я десять тысяч верст нащелкивал коня...
Друзья мои, себя храня, молитесь за меня.

То брызнет дождь, а то жара, а то туман, о Боже!
Судьба на всех везде одна, знакомо все, все то же,
как будто к дому я иду перед началом дня...
Друзья мои, себя храня, молитесь за меня.

Я так устал глядеть вперед с надеждой и опаской.
Пора уж как-нибудь остыть от трепотни арбатской.
Да, я москвич, и там мой дом, и сердце, и броня,
но между тем, себя храня, молитесь за меня.

ПЕСЕНКИ
ИЗ САМОГО НАЧАЛА



ПЕСЕНКА О МОСКОВСКОМ МЕТРО

Мне в моем метро никогда не тесно,
потому что с детства оно — как песня,
где вместо припева, вместо припева:
«Стойте справа, проходите слева».

Порядок вечен, порядок свят:
те, что справа, стоят, стоят.
А те, что идут, всегда должны
держаться левой стороны.

* * *

Что нужно муравью, когда он голоден?
Две жирных тли. Паси, дурак, паси...
Не перечеть счастливых в нашем городе —
их много так, что Боже упаси!

Плыл троллейбус по улице.
Женщина шла впереди.
И все мужчины в троллейбусе
молча смотрели ей вслед.

Троллейбус промчался мимо,
женщину он обогнал.
Но все мужчины в троллейбусе
глаз не сводили с нее.

И только водитель троллейбуса
головой не вертел:
ведь должен хотя бы кто-нибудь
все время смотреть вперед.

Мой город засыпает. А мне-то что с того?
Я был его ребенком, я нянькой был его,
я был его рабочим, его солдатом был...
Он слишком удивленно всегда меня любил.
Он слишком отчужденно мне руку подавал,
по будням меня помнил, а в праздник забывал.

И если я погибну, и если я умру,
проснется ли мой город с печалью поутру?
Пошлет ли на кладбище перед заходом дня
своих счастливых женщин оплакивать меня?..

...Но с каждым днем все чище, все злей его люблю
и из своей любви богов своих леплю.
Мне ничего не надо, и сожалений нет:
со мной моя гитара и пачка сигарет.

ОТРАДА

В будни нашего отряда,
в нашу окопную семью
девочка по имени Отрада
принесла улыбку свою.

И откуда на переднем крае,
где даже земля сожжена,
тонких рук доверчивость такая
и улыбки такая тишина?

Пусть, пока мы шагом тяжелым
проходим по улице в бой,
редкие счастливые жены
над ее злословят судьбой.

Ты клянись, клянись, моя рота,
самой высшей клятвой войны:
перед девочкой с Южного фронта
нет в нас ни грамма вины.

И всяких разговоров отрава,
заливайся воронкою вслед...
Мы идем на Запад, Отрада,
а греха перед пулями нет.

ЧЕТЫРЕ ГОДА

С. Орлову

Четвертый год подряд
война — твой дом, солдат.
Но хватит, отгудела непогода.
Есть дом другой —
там ждут и там не спят
четыре года, четыре года.

Здесь словно годы дни,
а там в окне — огни
горят, не позабытые в походах...
Когда б вам знать,
как мне нужны они —
четыре года, четыре года!

Когда кругом темно,
светлей твое окно...
Пора, пора, усталая пехота!
Есть много слов,
но я храню одно
четыре года, четыре года.

ЧАСИКИ

Купил часы на браслетке я.
Ты прощай, моя зарплата последняя.
Вижу слезы жены — нету в том моей вины:
это в дверь постучались костяшки войны.

А часики тикают, тикают, тикают,
тикают ночи и дни,
и тихую, тихую, тихую, тихую
жизнь мне пророчат они.

Вот закончилось, значит, сражение.
Вот лежу я в траве без движения.
Голова моя в огне, и браслетка при мне,
а часы как чужие стучат в стороне...

Все тикают, тикают, тикают, тикают,
тикают ночи и дни,
и тихую, тихую, тихую, тихую
жизнь мне пророчат они.

Ах, война, она не год еще протянет —
на то она и война.
Еще много километров портянок
выкроют из полотна.

Встанет, встанет над землей радуга,
будет мир тишиной богат,
но еще многих всяких дураков радует
бравое пенье солдат.

И потому, знать, за щедро пролитые
за жизни, за радость живых
трехлинеечки четырежды проклятые
бережем, как законных своих.

Шла война к тому Берлину,
шел солдат на тот Берлин.
Матушка, не плачь по сыну:
у тебя счастливый сын.

Шел не медленно, не быстро,
не жалел солдатских ног.
Матушка, ударил выстрел,
Покачнулся твой сынок.

Опрокинулся на спину
и застыл среди осин...
Матушка, поплачь по сыну:
у тебя счастливый сын.

* * *

Разлюбила меня женщина и ушла не спеша.
Кто знает, когда доведется опять с нею встретиться.
А я-то предполагал, что земля — это шар...
Не с кем мне было тогда посоветоваться.

Сладко спится на майской заре.
Петуху б не кричать во дворе!
Но не может петух промолчать,
потому что он создан кричать.

Он кричит, помутнел его взор —
но никто не выходит во двор:
видно, нету уже дураков,
чтоб сбегались на крик петухов.

На мне костюмчик серый-серый,
совсем как серая шинель.
И выхожу я на эстраду
и тихим голосом пою.

А люди в зале плачут-плачут —
не потому, что славен я,
и не меня они жалеют,
а им себя, наверно, жаль.

Жалейте, милые, жалейте,
пока жалеется еще,
пока в руке моей гитара,
а не тяжелый автомат.

Жалейте, будто бы в дорогу
вы провожаете меня...
На мне костюмчик серый-серый.
Он весь — как серая шинель.

Над синей улицей портовой
всю ночь сияют маяки.
Откинув ленточки фартово,
всю ночь гуляют моряки.

Кричат над городом сирены,
и птицы крыльями шуршат,
и припортовые царевны
к ребятам временным спешат.

Ведь завтра, может быть, проститься
придут ребята, да не те...
Ах, море — синяя водица!
Ах, голубая канитель!

Его затихнуть не умолишь —
взметнутся щепками суда.
Земля надежнее, чем море,—
так почему же вы туда?

Волна соленая задушит —
ее попробуй упросить...
Эх, если б вам служить на суше,
да только б ленточки носить!

Вот несчастный человек — это видно по всему.
Но почему же, почему у него бессрочный век?

Вот счастливый человек — это видно по всему.
Но почему же, почему у него короткий век?

Вот влюбленный человек — это видно по всему.
Но почему же, почему у него печальный век?

А мы швейцару:
«Отворите двери!
у нас компания веселая, большая,
приготовьте нам отдельный кабинет!».

А Люба смотрит: что за красота!
А я гляжу: на ней такая брошка!
Хоть напрокат она взята,
пусть потешится немножко.

А Любе вслед глядит один брюнет.
А нам плевать, и мы вразвалочку,
покинув раздевалочку,
идем себе в отдельный кабинет.

На нас глядят бездельники и шлюхи.
Пусть наши женщины не в жемчуге,
слушайте, пора уже,
кончайте ваши «ах» на сто минут.

Здесь тряпками попахивает так...
Здесь смотрят друг на друга сквозь червонцы...
Я не любитель всяких драк,
но мне сказать ему придется,
что я ему попорчу весь уют,
что наши девушки за денешки,
представь себе, паскудина брюнет,
они себя не продают.

ПЕСЕНКА О БЕЛОЙ КРОВИ

Л. Кривенко

Тело вскрыли и зашили.
Кровь из тела утекла.
Белой крови в тело влили,
чтобы видимость была.

Нам не спится, не ложится,
дело валится из рук:
наши дети мрут в больнице.
Не от кори — это врут.

Мрут и в розницу и оптом.
Все качается, плывет...
Кто же этот главный доктор?
В каком городе живет?!

ГИТАРА

Усталость ноги едва волочит,
гитара корчится под рукой.
Надежда голову мне морочит,
а дождь сентябрьский льет такой...

Мы из компании. Мне привычны
и дождь и ветер, и дождь и ты.
Пускай болтают, что не типичны
в двадцатом веке твои черты.

Пусть друг недолгий в нас камень кинет,
пускай завистник свое кричит —
моя гитара меня обнимет,
интеллигентно она смолчит.

Тебе не первой, тебе не первой
предъявлен веком нелегкий счет.
Моя гитара, мой спутник верный,
давай хоть дождь смахну со щек.

АТЫ-БАТЫ, ШЛИ СОЛДАТЫ

Аты-баты, шли солдаты.
Аты-баты, в дальний путь.
Не сказать чтоб очень святы,
но и не в чем упрекнуть.

Аты — справа, баты — слева.
Шла девчонка мимо них.
Не сказать чтоб королева,
но не хуже остальных.

Разговор об этой крале
все солдаты завели.
Не сказать чтоб приставали,
но и мимо не прошли.

А она остановилась,
черной бровью повела.
Не сказать чтобы влюбилась,
но и против не была.

Аты-баты, шли солдаты.
Аты-баты, в дальний путь.
Не сказать чтоб слишком святы,
но и не в чем упрекнуть.

Настоящих людей так немного!
Всё вы врете, что век их настал.
Посчитайте и честно и строго,
сколько будет на каждый квартал.

Настоящих людей очень мало:
на планету — совсем ерунда,
на Россию — одна моя мама,
только что она может одна?

Горит пламя, не чадит.
Надолго ли хватит?
Она меня не щадит ---
Тратит меня, тратит.

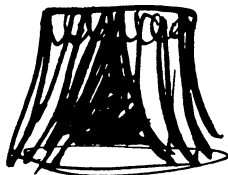
Быть недолго молодым,
скоро срок догонит.
Неразменным золотым
покачусь с ладони.

Потемнят меня ветра,
дождичком окатит...
А она щедра, щедра ---
надолго ли хватит?

* * *

Я жалею собак с нашей улицы:
очень грустно сидеть на цепи...
Все они белозубы и умницы,
только им не хватает степи!

ПЕСНИ
К СПЕКТАКЛЯМ
И КИНОФИЛЬМАМ



А мы с тобой, брат, из пехоты.
А летом лучше, чем зимой.
С войной покончили мы счеты...
Бери шинель — пошли домой.

Война насгнула и косила.
Теперь конец и ей самой.
Четыре года мать без сына...
Бери шинель — пошли домой.

К золе и пеплу наших улиц
опять, опять, товарищ мой,
скворцы пропавшие вернулись...
Бери шинель — пошли домой.

А ты с закрытыми глазами
спишь под фанерною звездой.
Вставай, вставай, однополчанин,
бери шинель — пошли домой.

Что я скажу твоим домашним?
Как встану я перед вдовой?
Неужто клясться днем вчерашним?
Бери шинель — пошли домой.

Мы все — войны шальные дети:
и генерал, и рядовой.
Опять весна на белом свете...
Бери шинель — пошли домой.

П. Луспекаеву

Ваше благородие госпожа Разлука,
мне с тобою холодно — вот какая штука.
Письмецо в конверте погоди — не рви...
Не везет мне в смерти — повезет в любви.

Ваше благородие госпожа Чужбина,
жарко обнимала ты, да мало любила.
В ласковые сети постой — не лови...
Не везет мне в смерти — повезет в любви.

Ваше благородие госпожа Удача,
для кого ты добрая, а кому — иначе.
Десять граммов в сердце постой — не зови...
Не везет мне в смерти — повезет в любви.

Ваше благородие госпожа Победа,
значит, моя песенка до конца не спета!
Перестаньте, черти, клясться на крови...
Не везет мне в смерти — повезет в любви.

Жаркий огонь полыхает в камине,
тень моя, тень на холодной стене.
Жизнь моя связана с вами отныне...
Дождик осенний, поплачь обо мне.

Сколько бы я ни бродила по свету,
тень моя, тень на холодной стене.
Нету без вас мне спокойствия, нету...
Дождик осенний, поплачь обо мне.

Все мы в руках у молвы и фортуны,
тень моя, тень на холодной стене.
Лютни уж нет, но звучат ее струны...
Дождик осенний, поплачь обо мне.

Жизнь драгоценна, да выжить непросто,
тень моя, тень на холодной стене.
Короток путь от весны до погоста...
Дождик осенний, поплачь обо мне.

В юности матушка мне говорила,
чтоб для любви свое сердце открыла.
Видно, иные пришли времена.
Бедная, как заблуждалась она!

А у меня душа — она почти из воска:
податлива, тонка, наивна, как березка.
Душа моя щедра, но что вам от щедрот?
Никто ведь не поймет, никто ведь не поймет.
Ах, нынче женихи твердят лишь о богатстве,
костры былой любви навеки в них погасли.
И лишь один из них — сам ангел во плоти...
Но где его найти? Но где его найти?

С юности встретить мечтаю поныне
друга, поверьте мне, в каждом мужчине.
Я беззащитна пред вами стою.
Что же вы топчете душу мою?

А у меня душа — она почти из воска...

Красотки томный взор
не повредит здоровью.
Мы бредим с юных пор:
любовь, любви, любовью.
Не правда ли, друзья,
не правда ли, друзья,
с ней, может быть, не сладко,
а без нее нельзя?

Вперед, судьба моя!
А нет — так Бог с тобою.
Не правда ли, друзья:
судьба, судьбы, судьбою?
Не правда ли, друзья,
не правда ли, друзья,
с ней, может быть, не сладко,
а без нее нельзя?

Он где-то ждет меня,
мой главный поединок.
Не правда ли, друзья,
нет жизни без поминок?
Не правда ли, друзья,
не правда ли, друзья,
жить, может быть, не сладко,
а вот не жить нельзя?!

Затихнет шрапнель, и начнется апрель.
На прежний пиджак поменяю шинель.
Вернутся полки из похода.
Хорошая нынче погода.

Хоть сабля сечет, да и кровь все течет —
брехня, что у смерти есть точный расчет,
что где-то я в поле остался...
Назначь мне свиданье, Настасья.

Все можно пройти и все можно снести,
а если погибнуть — надежду спасти,
а выжить — как снова родиться...
Да было б куда воротиться.

В назначенный час проиграет трубач,
что есть нам удача среди всех неудач,
что все мы еще молодые,
и крылья у нас золотые.

ПЕСНЯ КРАСНОАРМЕЙЦА

Вслепую пушка лупит,
наотмашь шашка рубит,
и ворон большекрылый над битвою кружит.
А пуля знает точно,
кого она не любит:
кого она не любит — в земле сырой лежит.

Окоп ты мой холодный,
паек ты мой голодный...
Не плачь, моя мамаша, что писем нет давно.
Не пропадет напрасно
наш подвиг благородный,
и время золотое наступит все равно.

Не надо мне пощады,
не надо мне награды,
а дайте мне винтовку и дайте мне коня.
А если я погибну,
пусть красные отряды,
пусть красные отряды отплатят за меня.

ПЕСЕНКА КАВАЛЕРГАРДА

Кавалергарды, век недолог,
и потому так сладок он.
Труба трубит, откинут полог,
и где-то слышен сабель звон.
Еще рокошет голос струнный,
но командир уже в седле...
Не обещайте деве юной
любви вечной на земле.

Напрасно мирные забавы
продлить пытаетесь, смеясь.
Не раздобыть надежной славы,
покуда кровь не пролилась.
И как ни сладок мир подлунный
лежит тревога на челе...
Не обещайте деве юной
любви вечной на земле.

Течет шампанское рекою,
и взор туманится слегка,
и все как будто под рукою,
и все как будто на века...
Крест деревянный иль чугунный
назначен нам в грядущей мгле...
Не обещайте деве юной
любви вечной на земле.

ПРОЩАЛЬНАЯ ПЕСЕНКА ВОЛКОВСКИХ АКТЕРОВ

Прощай, прощай, прощай, прощай, ярославская
погода,
стены белые, нарисованные на синих небесах.
Тянет душу, сердце рвет, заманивает
природа,
слезы чистые, прозрачные не высыхают на глазах.

Прощай, прощай, прощай, прощай,
лесов могучих позолота!
Колесница неукротимая за облаком гремит.
Ожидают нас, зажмурившись, оловянные болота,
петербургский неразговорчивый таинственный гранит.

Прощай, прощай, прощай, прощай, деревянного сарая
пыль подмостков, дух рогожи!
Настало времечко гореть.
Видать, времечко настало, настало времечко, сгорая,
настало времечко, сгорая, ни о чем не сожалеть...

ПЕСЕНКА КОРНИЛОВЦА

Я тебя давно забыл — имя лишь запомнилось.
Я тобою был любим, а теперь забыт...
Загадал себе любовь — только не исполнилось,
клялся шашкою стальною, да по горло сыт.

Или тебе, родина, знать меня не хочется,
или встал я поперек твоего пути...
Конь споткнется, век пройдет,
сталь на шашке сточится,
моего коня гнедого в поле не найти.

Впереди -- чужой порог, пулями освищенный,
позади — родимый дом замели снега...
Я у матери моей первый и единственный,
да обратная дорога больно далека.

Не каждому поэту удача выпадает,
но каждому поэту читателей хватает,
и каждому поэту пути иного нет...
Конечно, если это не лапоть, а поэт.

От сотворенья к судьям течет людское племя.
Судья закону служит, хоть тяжело это бремя,
грабителей карая, хулителей щадя...
Конечно, если это не лапоть, а судья.

Артиста не начальство — фортуна выбирает.
Он в честь нее стократно за век свой умирает,
из передряг злодейских душой выходит чист...
Конечно, если это не лапоть, а артист.

Солдат идет с винтовкой, врага он не боится.
Но вот какая странность в душе его таится:
он пушки ненавидит и войнам он не рад...
Конечно, если это не лапоть, а солдат.

* * *

Русского романа городского
слышится загадочный мотив,
музыку, дыхание и слово
в предсказанье судеб превратив.

За волной волна, и это значит:
минул век, и не забыть о том...
Женщина поет. Мужчина плачет.
Чаша перевернута вверх дном.

Король ушел на пенсию,
отставлен от двора.
Сменить свою профессию
пришла ему пора.

От трона королевского
он обалдел сполна,
и тут не спросишь, не с кого —
такие времена.

Король ушел на пенсию
под дудку и свирель,
и завершилась песнею
вся эта канитель.

Кричит в восторге публика,
таращит мир глаза:
«Да здравствует республика!» —
Такие чудеса.

Нет карнавала радужней.
Но в той толпе, как врос,
стоит тиранчик завтрашний,
засунув пальчик в нос.

Никто и не спохватится:
пред ними даль светла...
Но время быстро катится —
такие вот дела

ДОРОЖНАЯ ПЕСНЯ

Под копытами снег голубой примят.
Ехал в возке я по чужой стороне...
Так грустно, брат мой, грустно, мой брат!
Ах, кабы вспомнил кто обо мне.

Там горит огонек у того леска.
Ехал в возке я. Дуга на коне...
Все тоска окружала, тоска, тоска!
Ах, кабы вспомнил кто обо мне.

Все чужие леса да чужая даль.
И мороз страшней, и душа в огне...
А печаль-то, мой брат, печаль, печаль!
Ах, кабы вспомнил кто обо мне.

ПОМИНАЛЬНАЯ

Наша память бессильна уйти от потерь,
все с фонариком бродит в былом.
Даже в праздничный день
чья-то тихая тень
вместе с нами сидит за столом.

Блиндажи той войны все травой заросли.
Тишина, и поют соловьи.
Не слова, не молва эту землю спасли,
а открытые раны твои.

Я счастливых живых в майский день созову.
Хоть тогда под огнем ножевым
не склоняли голов, но склоните главу
перед братом погибшим своим.

Сколько лет, сколько зим, как умолкла война!
Сколько слез утекло, сколько рек...
Мы в те годы с тобою прощались сполна,
чтоб уже не прощаться вовек.

С каждым часом мы старее
от беды и от любви.
Хочешь жить — живи скорее,
а не хочешь — не живи.

Не кори меня, Настасья,
долгих счетов не своди.
С тем, что было, я расстался,
а что будет — впереди.

Николай нальет,
Михаил пригубит.
Кто совсем не пьет —
тот себя погубит.

Кто там робкий, кто там пылкий —
все равно стезя одна.
Не молись, дурак, бутылке —
просто пей ее до дна!

Не для праздного безделья
нас фортуна призвала...
Дай Бог легкого похмелья
после трудного стола!

Николай нальет...

Бог простит, беда научит,
судьба с жизнью разлучит.
Кто что стоит, то получит,
а не стоит — пусть молчит.

Наша жизнь — ромашка в поле,
пока ветер не сорвет...
Дай Бог воли! Дай Бог воли!
Остальное заживет.

Николай нальет...

ПЕСНИ К СПЕКТАКЛЮ
«ВКУС ЧЕРЕШНИ»
ВОЛЬНЫЙ ПЕРЕВОД
ИЗ АГНЕШКИ ОСЕЦКОЙ

* * *

Гаснут, гаснут костры. Спит картошка в золе.
Будет долгая ночь на холодной земле.
И холодное утро займется,
и сюда уж никто не вернется.

Без листвы и тепла как природа жалка!
Поредела толпа у пивного ларька.
Продавщица глядит сиротливо.
И не допито черное пиво.

Ах, пане, панове, ах, пане, панове,
ах, пане, панове, тепла нет ни на грош.
Что было, то сплыло. Что было, то сплыло.
Что было, то сплыло. Того уж не вернешь.

Как теряют деревья остатки одежд!
Словно нет у деревьев на лето надежд.
Только я пока очень любима,
и любовь не прошла еще мимо...

Но маячит уже карнавала конец,
лист осенний летит, как разлуки гонец,
и в природе все как-то тревожно,
и мой милый глядит осторожно.

Ах, пане, панове...

«До свиданья, мой милый,— скажу я ему,
вот и лету конец. Все одно к одному.
Я тебя слишком сильно любила,
потому про разлуку забыла».

Горьких слов от него услышать не боюсь:
он воспитан на самый изысканный вкус.
Он щеки моей нежно коснется,
но, конечно, уже не вернется.

Ах, пане, панове...

Нам парни говорят такие речи,
когда встречают нас:
«Что жизнь моя была до нашей встречи?
А как ярка сейчас!

Пусть видят одиночки-дилетанты,
не знавшие любви,
как вспыхнули во мне мои таланты.
и жар гудит в крови.

Теперь на подвиг я готов решиться.
У жизни я в долгу.
И потому жениться, да, жениться,
прости, но не могу».

Нам парни говорят такие речи —
всё смех и суета.
И удивить меня теперь уж нечем:
по горло я сыта.

К чему нам быть на «ты»? К чему
мы искушаем расстоянье?
Милее сердцу и уму
старинное: я — пан, вы — пани.

Какими прежде были мы!
Приятно, что ни говорите,
услышать из вечерней тьмы:
«Пожалуйста, не уходите...»

Я муки адские терплю,
а нужно, в сущности, немного —
вдруг прошептать: «Я вас люблю,
мой друг. Без вас мне одиноко».

Зачем мы перешли на «ты»?
За это нам и перепало —
на грош любви и простоты,
а что-то главное пропало.

Уезжаю, прощайте, друзья. Не клоните голов
виновато.
Впрочем, я уже там, в том лесу, из которого нету
возврата.
Ухожу насовсем, перед тем хлопнув дверью, чтоб
дрогнули стены...
Ты прощай, мой смешной идеал. Допивайте вино,
джентльмены.

Жить до старости, жить до седины — это просто
кошунство, ей-Богу.
Ровно тридцать исполнилось мне, и пора собираться
в дорогу.
Оставляю склерозы другим, и дряхлеющий мозг,
и седины.
Лучше сразу уйти напрямик из своей золотой
середины.

И хотя еще кружится бал, и громка еще музыка бала,
умный гость собирается прочь; значит, время
прощаться настало.
Вы прощайте, пустые слова. Извините, что так
оно вышло.
В этом есть своя прелесть, друзья... Отчего же оваций
не слышно?

«СОЛОМЕННАЯ ШЛЯПКА»

ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ФИЛЬМ

ПРОЛОГ

Мы — артисты, менестрели, барды и поэты.
Верно служим Мельпомене, песням и стихам.
Пусть фиакры, фэтоны и кабриолеты
у парадного подъезда поданы не нам.

Но зато у нас гитары, флейты и кларнеты,
но зато у нас улыбки с песней пополам,
и на все вопросы ваши есть у нас ответы,
если автор водевиля не ответит сам.

ОБРАЩЕНИЕ К АВТОРУ

Назад тому сто лет
случилась эта штука.
В ней, может, правды нет,
но в ней — своя наука.

Спокойно спи, Эжен Лабиш.
Мы не приврем, и ты позволишь
твой водевиль, пока ты спишь,
прокомментировать всего лишь.

ПЕСЕНКА ЧЕЛОВЕКА, РЕШИВШЕГОСЯ ЖЕНИТЬСЯ

А. Миронову

Женюсь! Какие могут быть игрушки?
И буду счастлив я вполне.
Но вы, мои вчерашние подружки,
напрасно плачете по мне.

Не плачьте, сердце рая,
смахните слезы с глаз.
Я говорю вам «до свиданья» —
расставанье не для нас.

Иветта, Лизетта, Мюзетта, Жанетта, Жоржетта,
вся жизнь моя вами, как солнцем июльским, согрета,
покуда со мной вы — клянусь, моя песня не спета!
Иветта, Лизетта, Мюзетта, Жанетта, Жоржетта.

Женюсь! И холостяцкие пирушки
затихнут, сгинут без следа.
Но вы, мои вчерашние подружки,
со мной останетесь всегда.

Не плачьте, сердце рая,
смахните слезы с глаз.
Я говорю вам «до свиданья» —
расставанье не для нас.

Иветта, Лизетта, Мюзетта, Жанетта, Жоржетта,
вся жизнь моя вами, как солнцем июльским, согрета,
покуда я с вами — клянусь, моя песня не спета!
Иветта, Лизетта, Мюзетта, Жанетта, Жоржетта.

ПЕСЕНКА О НЕСОСТОЯВШИХСЯ НАДЕЖДАХ

Л. Гурченко

Один корнет задумал славу
прекрасным днем добыть в бою.

На эту славу, как на карту,
решил поставить жизнь свою.

И вот, когда от нетерпенья
уже кружилась голова,
не то с небес, не то поближе
раздались горькие слова:

«Видите ли, мой корнет,
очаровательный корнет,
все дело в том, что, к сожаленью,
войны для вас пока что нет!»

Тогда корнет решил жениться
и взять в приданое мильон.

Нашел в провинции невесту
и под венец помчался он.

И вот, когда от вожделенья
уже кружилась голова,
не то с небес, не то поближе
раздались горькие слова:

«Видите ли, мой корнет,
очаровательный корнет,
все дело в том, что за невестой
приданого в помине нет!»

Тогда корнет бежать решился
из-под венца. (Какой скандал!)

На остановку дилижансов
он в черном фраке прибежал.

Когда ж от близости спасенья
уже кружилась голова,
не то с небес, не то поближе
раздались горькие слова:

«Видите ли, мой корнет,
очаровательный корнет,
все дело в том, что в дилижансе
свободных мест, представьте, нет!»

ПЕСЕНКА О СОЛОМЕННОЙ ШЛЯПКЕ

Соломенная шляпка золотая,
с головки вашей ветреной слетая,
еще не раз пленять собой могла.
Но лошадью какой-то офицерской
с гримасою какой-то изуверской
она внезапно съедена была.

Подумаешь, соломенная шляпка!
Безделица какая-то и тряпка —
не платье, не пальто и не жакет...
Но без нее вокруг прелестной дамы
такие шли сражения и драмы,
что, собственно, и создало сюжет.

Все старые, а пуше — молодые,
храните ваши шляпки золотые,
храните до конца, и в этом соль...
Когда над головой грохочут громы,
способна даже пригоршня соломы
сыграть в судьбе решающую роль!

ПЕСЕНКА ОБМАНУТОГО МУЖА

Е. Копеляну

Не ждешь подвоха,
как честный человек,
и все как будто бы неплохо,
и ты твердишь, что ты чиста, как первый снег.

Но чей-то силуэт нечетко
в ночном качается окне...
О ты, лукавая красотка,
кого впустила в дом ко мне?!

Не ждешь подвоха...

Но чей-то силуэт зловецкий
в твои покои проскользил...
О, недостойная из женщин,
змею у сердца я носил!

Не ждешь подвоха...

Но чей-то силуэт нахальный
тебя покинул поутру...
О, эти тайны женской спальни!
И я обманутым умру...

А время счет ведет подробный.
Париж, тебе не снился брак подобный!

Лакей кружится.
От снеди ломятся столы. День будет жарок.
Вино искрится.
Как подрумянены бока у всех цесарок!
Повсюду слышится счастливый хор кухарок.

Жених с невестой.
Сердца — как пара голубков, глаза — как вишни.
Сюжет прелестный.
Какая пара, Боже мой, здесь третий — лишний.
А если что-нибудь не так — прости, Всевышний...

«ПОХОЖДЕНИЯ ШИПОВА, ИЛИ СТАРИННЫЙ ВОДЕВИЛЬ»

СПЕКТАКЛЬ

ПРОЛОГ

Итак, старинный водевиль
обозначает некий стиль,
в котором все возможно,
в котором все возможно.
Как говорится, например,
смещение любых манер,
где истинное — ложно,
великое — ничтожно.

Бывает и наоборот:
добро в финале верх берет,
и правда торжествует,
и правда торжествует,
и тьму осиливает свет,
и спорить с этим смысла нет:
ведь это существует,
ведь это существует.

Что мудрецу и подлецу
чужая шляпа не к лицу,

давно установили,
давно установили.
Но это в жизни, а у нас
иные правила как раз
в старинном водевиле,
в старинном водевиле.

Он соткан весь из старины,
но вы в нее войти должны
с открытыми глазами
и приглядеться сами:
да, это было так давно,
но это ж было все равно,
хоть было и не с нами,
хоть было и не с нами.

И с этим ворохом проблем
желаем вам, желаем всем
счастливо оставаться
и век не расставаться.
А нам бы только поспевать
произносить и распевать,
и переодеваться,
и переодеваться.

Ведь что до нас, то лично нас
не эти мучают сейчас
старинные проблемы,
минувшие проблемы:
звонит звонок, и режиссер
напоминает нам про сбор,
и кто мы есть, и где мы,
и кто мы есть, и где мы.

ДУЭТ МУРАТОВА И ЭКОНОМКИ

МУРАТОВ

Богиня моя и царевна,
то брови вы хмурите гневно,
то вдруг улыбнетесь, любя...
Ах, Дарья Сергевна, ах, Дарья Сергевна,
без вас я не мыслю себя!

ЭКОНОМКА

Позвольте мне, полковник, вам доложить о том,
как эти два мерзавца к вдове попали в дом.
Наверно, интересно вам, господин полковник...

МУРАТОВ

Один из них — любовник, любовник, любовник!..
Богиня моя и царевна,
судьба моя слишком плачевна,
удар в мое сердце глубок...
Ах, Дарья Сергевна, ах, Дарья Сергевна,
я должен распутать клубок!

ЭКОНОМКА

Вы гений, мой полковник, искусник и мудрец.
Арестовать паршивцев что стоит, наконец?
И мы их арестуем — не шевельнут и бровью...

МУРАТОВ

А как же быть с любовью, с любовью, с любовью?..
Богиня моя и царевна,
с ума я схожу каждодневно,
неужто подходит конец?..
Ах, Дарья Сергевна, ах, Дарья Сергевна,
пойдемте скорей под венец!

ПЛАЧ ШИПОВА

А вот каморочка грошовая, трехногая кровать.
А где же деньги? Они вышли, они вышли погулять,
да позабыли воротиться, воротиться ко двору.
А я без денег не умею, и я, наверное, помру.

А ну-ка, ну-ка я встряхнуся, да я качну, брат, головой.
Ах, неужели ж я рассыпался по тульской мостовой?
А где ж ты, Дася, перепелочка? Ты что ж со
мной творишь?
Меня по бревнышку спалила, сама не хочешь —
не горишь.

Теперь холодный и голодный сажу в каморочке
пустой.
А все ведь грек, старуха чертова и этот самый граф
Толстой!
Куда я давеча вознеси, куда я шлепнулся сейчас...
А я ведь, ваши благородия, старался ради вас.

ПЕСНЯ ПОТАПА

Кровь кипит, края играют,
и сапожки все частят.
Подновинские гуляют —
ваши косточки хрустят.

Зря, видать, хлопчете,
сами себя мучите.
Хочете — не хотите,
все сполна получите.

А ты чего, чего, чего?
А ты не больно-то того...
А я чего? Да ничего —
а я у дома своего.

Все студенты виноваты,
всяк кудлатый виноват,
подновинские ребята
вас по шее подновят.

Зря, видать, хлопчете...

Эх стена — плечу помеха!
Я красавец удалой.
Вдарю раз — пошла потеха,
Вдарю два — с копыт долой.

Зря, видать, хлопчете...

ПЕЧАЛЬ ВДОВЫ

Я ночью помолиться
мечтала горячо,
а вы ко мне вломиться
пытались, мужичьё!
Сопели вы, как звери,
а я валилась с ног,
да, слава Богу, двери
закрыла на замок.

Ах, господа, господа, господа,
трудно вдове одиночество.
Но, господа, господа, господа,
мало ль чего вам захочется!

В беспамятстве к постели
я пробралась ползком...
Да как вы только смели
помыслить о таком!
Уж ладно бы уланы —
порода и задор,—
а то ведь так, мужланы...
О чем тут разговор?

Нет, господа, господа, господа,
трудно вдове одиночество.
Но, господа, господа, господа,
мало ль чего вам захочется!

Не ваше это дело,
что горек поздний хмель,
что мне осточертела
холодная постель.

И я от вас не скрою,
что нам не по пути,
а дверь я не закрою —
попробуйте войти!

Ах, господа, господа, господа,
трудно вдове одиночество.
Но, господа, господа, господа,
мало ль чего вам захочется!

ОТКРОВЕНИЯ ЖАНДАРМА МУРАТОВА

(В ясный полдень и в потемках
нагловат, небрит и сух
держит путь на ножках тонких
оппозиционный дух.
Фанатичен и неистов
злобный глаз его и раж...
Ненавижу нигилистов,
обожаю камуфляж.)

«Сударь, пожалуйста в сани,
мигом до дому домчу.
Цену назначите сами,
а оскорбите — смолчу.
Сударь, я кучер заправский,
глуп я, чего с меня взять?
Можете вы без опаски
все о себе рассказать!»

(Он в мороз легко одетый,
на лице — печать тоски,
а за пазухою где-то —
запрещенные листки.
Для него я пень случайный,
дурень, ванька... Ну и пусть.
Он выбалтывает тайны,
я учу их наизусть.)

«Сударь, вы голодны очень.
Случай вам, сударь, помог:
мягкок, поджарист и сочен
смотрит на вас пирожок.

Что вам бояться торговки?
Глупая баба она.
Экий вы, право, неловкий!
Разве полушка — цена?»

(До поры его не трогай,
дай куснуть еще разок.
Пусть идет своей дорогой —
я запомню адресок.
Он жует и ловит крошки,
сам подмигивает мне.
У меня ж как будто кошки
лапкой водят по спине.)

ОТКРОВЕНИЯ ШИПОВА

А помнишь ли, Мишка Шипов, как ты князя ублажал?
Как вокруг гостей кружился, как поднос в руке держал?
Помню, помню, ну еще бы, отчего ж не помнить мне?
У ливреи фалды выются, холодок бежит в спине.

А помнишь ли, Мишка Шипов, как ты ручку заносил?
Как тростиночкой сгибался, как гостей ты обносил?
Помню, помню, не забуду до последнего глотка.
Али плохо я сгибался? Али память коротка?

А помнишь ли, Мишка Шипов, как все ждал
ты, молодой,
что сам князь тебе за ловкость даст червонец золотой?
Помню, помню, как стараюсь, извиваюсь, как змея,
да их сиятельство нисколечко не смотрят на меня.

А помнишь ли, Мишка Шипов, как ты князя-то любил?
Для чего ж ты, Мишка Шипов, сам себя теперь сгубил?
Помню, помню, как не помнить, да не знаю отчего.
Я не знаю, князь не знает, больше нету никого.

ПЕСНЯ ШИПОВА

Не к добру все эти сласти, и покой не к добру.
Не в дому, не на перине — знать, в тюрьме я помру.

Призовут меня к ответу, станут душу сверлить:
Где ты был? Чего ты видел? А чего говорить?

Что за Ясная Поляна? Граф Толстой для чего?
Али я ему что должен? Али он мне чего?

Ах, судьба моя злодейка: ни вздохнуть, ни уснуть.
Улетят ведь мои денежки — назад не вернуть.

ПЕСНЯ ЖАНДАРМА МУРАТОВА

Зачем тебе алмазы и клятвы все мои?
В полку небесном ждут меня, господь с тобой —
не спи.

Когда взойдет светило, засветятся кресты,
раздастся музыка с небес, и с нею встанешь ты.

Не трубы и не флейты, не медь и не свинец,
а только тихий разговор двух страждущих сердец.

Познай и ночь глухую, и светлую струю...
Вокруг тебя небесный полк, а рядом — я стою.

РЕПЛИКА ЖАНДАРМА КОБЕЛЯЦКОГО

Шум погони, ветра свист.
Не пора ли сесть за вист,
всех переарестовать,
чтобы всласть повистовать?

БРАВАЯ ПЕСНЯ ГИРОСА

Идти по следу, чужому следу,
а после праздновать победу!
Других соблазнов в жизни нету.
Все остальное — сущий вздор.
Во всем люблю порядок четкий,
а деньги — чушь, и все красотки,
их томный вид и папильотки
я презираю, словно сор.

Ах, Мишель, Мишель, ты только прикажи:
Амадей, давай-ка голову сложи!
Я, куда ты пожелаешь: хоть в огонь...
Я послушен и отзывчив, как гармонь.

Ах, Мишель, Мишель, какие времена!
Слышен звон: видать, коробочка полна.
Дай мне денег, кинь мне косточку скорей
и гони меня по следу — не жалеи!

ХОР ВОЗМУЩЕНИЯ ШИПОВЫМ

Предатель, подлец и мерзавец —
какие он сети наплел!

Он провинциальных красавиц
служебным делам предпочел!

Он ради вина и богатства
законы и совесть презрел.

Как солнце еще не погасло!

Как сам он еще не сгорел!

И нет прощения ему!

На каторгу, на каторгу, в тюрьму его, в тюрьму!

Безвинного графа Толстого
он ложью посмел замарать!

И надобно, честное слово,
достойно его наказать!

Он думал, что гнев и возмездье
коснуться не смогут его...

Но мы-то на месте, на месте,

и долг нам превыше всего!

И нет прощения ему!

На каторгу, на каторгу, в тюрьму его, в тюрьму!

ХОР В ЧЕСТЬ ШИПОВА

Ну надо же, ну надо же, какой талант отменный!
Не гордый, не вельможный, не грозный, не надменный.
Глаза его так зорки, рука его щедра
и сердце золотое, душа из серебра...
(А Ева не из ихнего ль сотворена ребра?)

Ну надо же, ну надо же, как с ним тепло и сытно!
Он так великодушен и образован, видно:
как тонко произносит французские слова...
Лямур-тужур, лямур-тужур... Кружится голова!
Налейте всем желающим, но мастеру — сперва.

Ну надо же, ну надо же, какое счастье, право,
и нас крылом коснулась его большая слава,
мы тоже сопричастны деяниям его,
и в нашу кровь вливается по капле волшебство...
А ты дурак, Потапка... а мастеру — бравó!

ТАНГО ШИПОВА

Сначала блюдо поднимаешь над собою,
как будто встал ты перед матушкой судьбою,
как будто к бою созываешь ты трубою,
и нет ни стен, ни окон, ни людей.
От восхищения все стихло на мгновенье,
и на устах твоих улыбка вдохновенья,
и осторожное ты делаешь движенье...
Замри, Потап, учись и холодей!

Ты словно лебедь, ты как будто белый аист
всем окружающим на радость и на зависть
плывешь по воздуху, предметов не касаясь,
куда, зачем, кого, чего, кому...
Спина изогнута, как будто у пантеры...
Шарман, шарман, какие тонкие манеры!
Какие линии!.. Что нужно для карьеры?..
Гляди, Потап, учись, дурак, уму!

ПЕСЕНКА ШИПОВА

Робкая серая мышка —
перед голодным котом!
Чуть зазевалась — и крышка...
Надобно помнить о том.
Задаром голову сложить,
в кошачьих лапах корчиться...
Ах, мышке хочется пожить,
но кошке кушать хочется.

Этой ошибки ужасной
ведь не исправить потом.
Маленькой жертве напрасной
надобно помнить о том.
Кому — еда, кому — беда,
и плакать не приходится.
Нет, я не мышка, господа,
но выйду поохотиться.

Мышке и корочка хлеба
перепадает с трудом.
Манна не сыплется с неба...
Надобно помнить о том.
Ах, господа, кругом возня,
и мышь, как заяц, травится.
Но, господа, вам без меня,
лямур-тужур, не справиться.

Мышку назначили кошкой,
и над кошачьим котлом
мышка уселась с ложкой...
Надобно думать о том.

Какая радость, Боже мой!
То крошки не допросишься,
а то лишь небо над тобой —
над всеми ты возносишься!

ЭПИЛОГ

Смахнули мокрой тряпочкой с времен минувших пыль,
и вот явился будто из затмения
старинный водевиль,
старинный водевиль,
конечно, водевиль, но тем не менее.

В нем многое надумано, но многое в нем было.
Обычное на свете раздвоение.
Старинный водевиль,
старинный водевиль,
конечно, водевиль, но тем не менее.

Да здравствует все свежее! Да скроется вся гниль!
А с ней и ложь, хотя бы во спасение...
Старинный водевиль,
старинный водевиль,
конечно, водевиль, но тем не менее.

Мы очень вам желали бы усвоить этот стиль,
перебороть минутное сомнение.
Старинный водевиль.
старинный водевиль,
конечно, водевиль, но тем не менее.

«ЗОЛОТОЙ КЛЮЧИК»

МЮЗИКЛ

ПЕСЕНКА ФОНАРЩИКОВ

Мы люди неплохие.
Как вечер — мы в пути,
фонарщики лихие,
волшебники почти.
Дожди ли проливные,
жара иль холода,
мы спим в часы дневные,
а ночью никогда.

Горят, горят фонарики
оранжевым огнем.
Глядите-ка, сударики,
светло, как будто днем!
Шагаем след в след, вслед —
туда, где тень, тень, тень.
Да будет свет, свет, свет,
как будто день, день, день.

Загадки любят темень,
а тайны — темноту.
Мы спим в дневное время,
а ночью на посту.
И не играем в прятки
с полночной тьмой, о нет:
все тайны и загадки,
пожалуйте на свет!

Горят, горят фонарики...

ПЕРВАЯ ПЕСНЯ ЛЯГУШЕК

Невелик наш пруд, и негде разгуляться в нем волне.
Но зато глубок он страшно и вместителен вполне.
Кем — чем? — Глубиной. В ком — в чем? —
В глубине.

Главная на свете тайна глубоко погружена.
И как рыбка золотая жметя к донышку она.
Кем — чем? — Глубиной. Кто — что? — Глубина.

Ключик маленький, удаленький, заветный, золотой...
Его тайны не раскроем — пусть таится под водой!
Кто — что? — Глубина. Кем — чем? — Глубиной.

ПЕСНЯ ПАПЫ КАРЛО

Из пахучих завитушек, стружек и колечек
мне помощником под старость и на радость вам
скоро-скоро деревянный выйдет человек...

Будет с кем мне под шарманку топать по дворам.

И с того, жизнь кого будет плохо складываться,
не возьмем ничего, а научим радоваться.

Ну а тот, кто его обижать осмелится —

пусть он раскошелится! Пусть он раскошелится!

Здравствуй, милый деревянный добрый человек!

Я вложу в тебя надежду и одежду дам.

Ты спасешь нас от печали, от нужды излечишь...

Будет с кем мне под шарманку топать по дворам!

И с того, жизнь кого...

ПЕРВАЯ ПЕСЕНКА БУРАТИНО

От безделья мы взлетаем
и во сне и наяву.
Как прекрасно быть лентяем!
Всех в свидетели зову.

Говорят, что это стыдно
(делу — время, играм — час)...
Я — лентяй, и мне обидно
это слышать всякий раз.

Лень — порок, давно известно.
Я в работе не горю,
но зато об этом честно,
откровенно говорю.

Чтобы в жизни быть счастливым
и сначала и потом,
может, лучше быть ленивым,
чем сварливым и лгуном!

ПЕСНЯ КАРАБАСА И КУКОЛ

КАРАБАС

Сияет театральный купол,
гостеприимен мой шатер.
Я — властелин счастливых кукол
и полновластный режиссер.
Я покажу вам представленье,
ах, это просто объеденье!
Пусть лопнут от злости Берлин и Париж!
Да здравствует слава и я, и барыш!

КУКЛЫ

Да здравствует наш Карабас удалой!
Как сладко нам жить под его бородой!
И он — никакой не мучитель,
а просто наш вождь и учитель!

КАРАБАС

Эй, старики и молодые,
за то, что я творю добро,
гоните ваши золотые,
да не забудьте серебро!
Я покажу вам представленье,
ах, это просто объеденье!
Все кассы открыты. Бесплатно — шалишь!
Да здравствует слава и я, и барыш!

КУКЛЫ

Да здравствует наш Карабас удалой!..

ПЕРВАЯ ПЕСЕНКА ПЬЕРО

О, если б из пламени в страшную полночь
ко мне свои руки простерли бы вы,
я в миг бы, Мальвина, примчался б на помощь...
Но нету пока что пожара, увы.

Все флейты, все дудки, все скрипки и все
мандолины,
воспойте прекрасные глазки и сердце Мальвины,
и подвиг, который готов я свершить в ее честь,
и повод, который для этого подвига есть.

О, если б с горы покати́лась лавина
и в помощи срочно нуждались бы вы,
я первым примчался бы к вам, о Мальвина...
Но нету в помине лавины, увы!

Все флейты, все дудки, все скрипки и все
мандолины...

О, если бы к вам привязалась ангина
и были б пред нею беспомощны вы,
я вас исцелил бы мгновенно, Мальвина...
Но вы совершенно здоровы, увы!

Все флейты, все дудки, все скрипки и все
мандолины...

КУПЛЕТЫ КАРАБАСА

Считайте меня подлым!
Да, я готов на подлости,
ах, я готов на подлости,
эх, я готов на подлости,
чтоб в трудной потасовке
хватило бы мне бодрости,
хватило бы мне бодрости,
хватило бы мне бодрости!

Зовите меня гадким!
Да, я готов на гадости,
эх, я готов на гадости,
ух, я готов на гадости,
чтоб схапать все богатства
к своей великой радости,
к своей великой радости,
к своей великой радости!

Плевать на унижения!
Да, я готов унизиться,
ох, я готов унизиться,
эх, я готов унизиться,
лишь бы к заветной цели
хоть чуточку приблизиться,
хоть чуточку приблизиться,
хоть чуточку приблизиться!

ПОЛЕ ЧУДЕС

Не прячьте ваши денежки по банкам и углам!
Несите ваши денежки, иначе быть беде!
И в полночь ваши денежки заройте в землю там,
и в полночь ваши денежки заройте в землю, где
не горы, не овраги, и не лес,
не океан без дна и берегов,
а поле, поле, поле, поле, поле чудес,
поле чудес в стране дураков!

Полейте хорошенечко, советуем мы вам,
и вырастут ветвистые деревья в темноте,
и вместо листьев денежки засеребрятся там,
и вместо листьев денежки зазолотятся, где
не горы, не овраги и не лес,
не океан без дна и берегов,
а поле, поле, поле, поле, поле чудес,
поле чудес в стране дураков!

ДУЭТ ЛИСЫ АЛИСЫ И КОТА БАЗИЛИО

Пока живут на свете хвастуны —
мы прославлять судьбу свою должны.
 Какое небо голубое!
 Мы не поклонники разбоя.
 На хвастуна не нужен нож:
 ему немного подпоешь —
 и делай с ним что хошь!

Покуда живы жадины вокруг —
удачи мы не выпустим из рук.
 Какое небо голубое!
 Мы не поклонники разбоя.
 На жадину не нужен нож:
 ему покажешь медный грош —
 и делай с ним что хошь!

Пока живут на свете дураки —
обманывать нам, стало быть, с руки.
 Какое небо голубое!
 Мы не поклонники разбоя.
 На дурака не нужен нож:
 ему с три короба наврешь —
 и делай с ним что хошь!

 Какое небо голубое!
 Живут на свете эти трое.
 Им, слава Богу, нет конца,
 как говорится, зверь бежит —
 и прямо на ловца!

ПЕСНЯ МАЛЬВИНЫ

Ах, если б Карабас, вставая, чистил зубы,
дружил бы с мылом и водой —
он бороду бы сбрил, не выглядел столь грубым,
а был бы милый и простой.

Ах, если б Карабас с грамматикой был дружен
и книжки мудрые листал,
его свирепый нрав ему бы стал не нужен,
он нас бы мучить перестал.

Ах, если б Карабас мог не со зла слепого,
а от любви сойти с ума,
я первая б тогда, не помня зла былого,
ему поверила б сама.

ПЕСЕНКА ПРОТЕСТА БУРАТИНО

Какой несчастный случай
завел меня в туман:
к Мальвине приставучей
попался я в капкан!

Все арифметики ее и все грамматики ее
меня замучили и портят настроение мое!

Не буду умываться
водою ледяной...
Пускай меня боятся —
обходят стороной.

Все умывальники ее, все утиральники ее
меня замучили и портят настроение мое!

Ах, ах, какие страсти!
Не вежлив я? Так что ж.
Из всяких ваших «здрасьте»
рубашки не сошьешь!

Все эти «цирлихи» ее и все «манирлихи» ее
меня замучили и портят настроение мое!

ВТОРАЯ ПЕСНЯ ПЬЕРО

Утром на зорьке, ранней порой
солнышко низко висит над землей.
И я могу с небес для вас его достать...
Но как мне быть? Не хочется вставать!
 Не нужна мне малина,
 не страшна мне ангина,
 не боюсь вообще ничего.
 Лишь бы только Мальвина,
 лишь бы только Мальвина
 обожала меня одного!

Полночью темной в небе одна
так соблазнительно светит луна.
И я могу с небес для вас ее достать...
Но как мне быть? Ведь ночью нужно спать!
 Не нужна мне малина...

Вам, о Мальвина, рад я служить.
С вами, Мальвина, сладко дружить.
И я могу для вас край света отыскать...
Но как мне быть? Где адрес тот достать?
 Не нужна мне малина...

ПЕСЕНКА ТАИНСТВЕННЫХ СУЩЕСТВ НАД СПИЛЕННЫМ ДЕРЕВОМ

Месяца в небе серп золотой.
Люди стареют — лес молодой.
Песня сегодня, слезы — потом.
Помни об этом, помни о том!

Кто нам, кто нам, кто нам, кто нам
вас заменит, милый друг,
если даже людям тошно
от печалей и разлук?

Что нам, что нам, что нам, что нам
все законы волшебства,
если нету с нами рядом
дорогого существа?

Утро цветы собирает,
полдень амброзию пьет.

Вечер едва отплывает —
черная ночь настает.

Ночь — это добрый наш берег,
наша любовь и жилье...

Люди друг другу не верят —
вот и боятся ее.

Много ли нужно нашей семье:
ветви у неба, корни в земле.
Лес наша крепость, полночь — наш дом...
Помни об этом, помни о том.

Кто нам, кто нам, кто нам...

ПЕСЕНКА ДУРЕМАРА

Я — великий Дуремар.
С виду я холодный,
с виду я голодный,
но зато каков товар!

Пьявочки, козявочки,
халявочки, раззявочки,
я ли ваш хозяин
или вы — мои хозяйечки?
Я ведь почему вас
собираю и коплю?
Ваш кусачий нрав я
умираю как люблю!

Я — аптекарь первый сорт!
С виду я несчастный,
с виду я опасный,
но зато хитер как черт!

Пьявочки, козявочки...

ПЕСЕНКА ТОРТИЛЛЫ

Стать богатеем иной норовит:
золото копит, ночами не спит.
Не все то золото, не все то золото,
хоть и сверкает и даже звенит.

Можно театр позолотой покрыть,
можно коврами весь пол устелить,
но вдохновение для представления
разве возможно за деньги купить?

Можно построить из вымысла дом,
можно устроить празднества в нем,
но не построишься и не устроишься
счастье твое на несчастье чужом.

Вилами глупо писать по воде.
Друг дорогой познается в беде.
И примечательно: то замечательно,
что без любви нету жизни нигде.

Чистое сердце в дорогу готовь.
Древняя мудрость годится и вновь:
не покупаются, не покупаются
доброе имя, талант и любовь.

ВТОРАЯ ПЕСНЯ ЛЯГУШЕК

Одинокий Буратино шел по делу, может быть.
Два разбойника решили Буратино погубить.
Два разбойника решили Буратино погубить,
но не так-то это просто — Буратино погубить.

Он сначала сделал так: отошел сперва на шаг,
а потом он сделал эдак, а потом он сделал так,
так, так, так, так и вот эдак, и вот так,
а потом уж напоследок: так и эдак, так и так.

Наш смельчак, храбрец геройский, он сдаваться
не любил.
Наш герой, смельчак храбрецкий, сам разбойников
сгубил,
а потом, расправив крылья, он домой помчался
вскачь —
наш великий убегальник, убегун и убегач!
Он сначала сделал так...

ПЕСНЯ ПУДЕЛЯ АРТЕМОНА

Пойми меня правильно, мальчик,
я, может быть, стар, да учен:
уж если кто плачет — то, значит,
он горем друзей удручен.

Неважно, что ты деревянный,
а самое важное тут,
что слезы живые (как странно!)
из глаз деревянных текут.

Ах, люди с такими глазами
недобрый не сделают шаг...
И значит, ты с нами, ты с нами,
а все остальное — пустяк.

Пойми меня правильно, мальчик:
не надобно мне ничего...
Люблю я сосиски телячьи,
но истина прежде всего!

ВТОРАЯ ПЕСЕНКА БУРАТИНО

И у нас будет праздник, и это случится, случится,
ведь не зря его ждем и зовем...
Карабаса отправим подальше: лечиться, лечиться,
сменим адрес и власть заживем.

В воскресенье на утреннем рынке, на утреннем рынке,
под шарманку и крик петухов,
Артемону сосиски куплю, папе Карло — ботинки,
а Мальвине — альбом для стихов.

Дом просторный и теплый построим под самое небо.
Вот и крыша в жару и мороз!
Будет вдоволь у нас и похлебки и белого хлеба,
гиацинтов, тюльпанов и роз.

ТРЕТЬЯ ПЕСЕНКА БУРАТИНО

Дважды два — четыре, дважды два — четыре...
Неужели ничего не случится в мире?!
Неужели ни за что, никогда совсем
дважды два не будет, ну хотя бы, семь?!

Что ж это такое? Что ж это такое?
Не хочу того, что есть — дайте мне другое.
Почему мне видится счастье лишь во сне?
Эта несуразица надоела мне!

ХОР КУКОЛ

У Карабаса страшный бас
и страшная гримаса.
Страшней, чем этот Карабас,
не сыщешь Барабаса.
Он страшен так, что страх берет,
и нет страшней чудовищ.
А если плетку он возьмет —
его не остановишь.

Он прячет тайну в страшной мгле.
Она не знает света.
И нету тайны на земле
страшней, чем тайна эта.
Она молчит, а кто из нас
столкнуться с ней решится?
Наверно, даже Карабас
ее раскрыть страшится:

Тише, тише, что он прячет?
Если прячет, это значит
тайну прячет он от нас.
Это что-нибудь такое
непонятное и злое,
многорукое, без глаз...
Тише, тише, осторожно,
догадаться невозможно,
что скрывает Карабас.

ПЕСЕНКА ДЖУЗЕППЕ

Я обошел весь белый свет!
Чудес на свете больше нет.
И, как известно,
не может птицей взвиться еж,
и к богачу бедняк не вхож —
давно известно...
А без чудес, мои друзья,
никак нельзя, давно нельзя,
неинтересно.

Все клады вырыты вокруг,
Бревно запеть не может друг.
И, как известно,
киту вовек не быть котом,
коту вовек не быть кротом —
давно известно...
А без чудес, мои друзья,
никак нельзя, совсем нельзя,
неинтересно.

Часы бездействуют — беда,
остановились навсегда.
И, как известно,
навек утерян их секрет.
Чудес на свете больше нет —
давно известно...
А без чудес, мои друзья,
никак нельзя, совсем нельзя,
неинтересно.

СОДЕРЖАНИЕ

НОВЫЕ СТИХИ

«О фантазии на темы...»	4
Таможенное	5
«Дима Бобышев пишет фантазии...»	7
«Ехал всадник на коне...»	8
«Карандаш желает истину...»	9
«Долго гордая упряжка...»	10
«Я вас обманывать не буду...»	11
Песенка Льва Разгона	12
«Вы говорите про Ливан...»	13
«Насколько мудрее законы, чем мы, брат, с тобою!..»	14
«Друзья, не надейтесь на чудо...»	15
«Тель-авивские харчевни...»	16
Романс	17
«Мы романтики старой закалки...»	18
«Вот приходит Юлик Ким и смешное напевает...»	19
«Сладкое время, глядишь, обернется копейкою...»	20
«Немоты нахлебавшись без меры...»	21
«Мне не нравится мой силуэт...»	22
«Калифорния в цвету. Белый храм в зеленом парке...»	23
«Я в Кёльне живу. Возле Копелева...»	24
«Мы едем на дачу к Володе...»	26
«Славная компания... Что же мне решить?...»	28
«Матушки Нонна и Анна...»	29
«Чувство меры и чувство ответственности...»	30
Марусенька	31
«Вроцлав. Лиловые сумерки...»	32
«Не от гриппа, не от умопомрачения...»	33
«Мимо кладбища едет купец молодой...»	34
«Со скоростью сто сорок километров...»	35
«Слово бурь не предвещало — было пламенным сначала...»	37

«Прощайте, стихи, ваши строки и ваши намеки и струны...» .	38
Американская фантазия	39
«Мне нравится то, что в отдельном...»	41
«Вот комната эта — храни ее Бог!..»	44
«Мерзляковский переулочек...»	45
«Не уезжай, жена моя, в леса...»	46
«Полночь над Босфором. Время тишины...»	47
Турецкая фантазия	48
«Ты, живущий вне наших сомнений и драм...»	50
«Сочиняет плов Мазлум из баранины и риса...»	51
«Европа пьет водичку из Босфора...»	52
Красный клен	53
Жаркий полдень в Массачусетсе	54
«Я вам описываю жизнь свою, и больше никакую...»	55
«Мне все известно. Я устал все знать...»	56
«Шестидесятники развенчивать усатого должны...»	57
«Когда известный русский царь в своей поддевочке короткой...»	58
«Не обязательны пуля и кнут...»	59
«Я рад бы был покоем восхититься...»	60
«Скрийят на новый лад все перья золотые...»	61
Калужская фантазия	62
«Весь этот век, такой бесплодный...»	64
Несчастье	65
Шмель в Массачусетсе	67
Манхэттен	68
Звезда Голливуда	69
«Вы — армия перед походом...»	70
«На улице моей беды стоит ненастная погода...»	71
«Ах, если б знать заранее, заранее, заранее...»	72
«Разве лев — царь зверей? Человек — царь зверей...»	73
«Решайте, решайте, решайте...»	74
«Под крики толпы угрожающей...»	75
«Нашему дикому обществу нужен тиран во главе...»	76
«Пишу роман. Тетрадка в клеточку...»	77
«Париж для того, чтоб ходить по нему...»	78
«К старости косточки стали болеть...»	79
«По Польше елочки бегут. Над Польшей птицы пролетают...»	80
Подмосковная фантазия	81
«Из Австралии Лёва в Москву прилетел...»	82
«На странную музыку сумрак горазд...»	83
«Прикатить на берег крымский и на Турцию глядеть...»	84
«Чувство собственного достоинства — вот загадочный инструмент...»	85
«Власть — администрация, а не божество...»	86
«Вселенский опыт говорит...»	87

«Когда начинается речь, что пропала духовность...»	88
«Что-то сыночек мой уединением стал тяготиться...»	89
«Как хорошо, что Зворыкин уехал...»	91
Японская фантазия	92

ПЕСЕНКИ ИЗ САМОГО НАЧАЛА

Песенка о московском метро	94
«Что нужно муравью, когда он голоден?..»	95
«Плыл троллейбус по улице...»	96
«Мой город засыпает. А мне-то что с того?..»	97
Отрада	98
Четыре года	99
Часики	100
«Ах, война, она не год еще протянет...»	101
«Шла война к тому Берлину...»	102
«Разлюбила меня женщина и ушла не спеша...»	103
«Сладко спится на майской заре...»	104
«На мне костюмчик серый-серый...»	105
«Над синей улицей портовой...»	106
«Вот несчастный человек — это видно по всему...»	107
«А мы швейцару: «Отворите двери!..»	108
Песенка о белой крови	109
Гитара	110
Аты-баты, шли солдаты	111
«Настоящих людей так немного!..»	112
«Горит пламя, не чадит...»	113
«Я жалею собак с нашей улицы...»	114

ПЕСНИ К СПЕКТАКЛЯМ И КИНОФИЛЬМАМ

«А мы с тобой, брат, из пехоты...»	116
«Ваше благородие госпожа Разлука...»	117
«Жаркий огонь полыхает в камине...»	118
«В юности матушка мне говорила...»	119
«Красотки томный взор...»	120
«Затихнет шрапнель, и начнется апрель...»	121
Песня красноармейца	122
Песенка кавалергарда	123
Прощальная песенка волковских актеров	124
Песенка корниловца	125
«Не каждому поэту удача выпадает...»	126
«Русского романса городского...»	127
«Король ушел на пенсию...»	128
Дорожная песня	129

Поминальная	130
«С каждым часом мы старше...»	131
Песни к спектаклю «Вкус черешни»	
«Гаснут, гаснут костры. Спит картошка в золе...»	133
«Нам парни говорят такие речи...»	135
«К чему нам быть на «ты»? К чему...»	136
«Уезжаю, прощайте, друзья. Не клоните голов виновато...»	137
«Соломенная шляпка». Художественный фильм	
Пролог	138
Обращение к автору	139
Песенка человека, решившегося жениться	140
Песенка о несостоявшихся надеждах	141
Песенка о соломенной шляпке	143
Песенка обманутого мужа	144
«А время счет ведет подробный...»	145
«Похождения Шипова, или Старинный водевиль». Спектакль	
Пролог	146
Дуэт Муратова и экономки	148
Плач Шипова	149
Песня Потапа	150
Печаль вдовы	151
Откровения жандарма Муратова	153
Откровения Шипова	155
Песня Шипова	156
Песня жандарма Муратова	157
Реплика жандарма Кобеляцкого	158
Бравая песня Гироза	159
Хор возмущения Шиповым	160
Хор в честь Шипова	161
Танго Шипова	162
Песенка Шипова	163
Эпилог	165
«Золотой ключик». Мюзикл	
Песенка фонарщиков	166
Первая песня лягушек	167
Песня папы Карло	168
Первая песенка Буратино	169
Песня Карабаса и кукол	170
Первая песенка Пьеро	171
Куплеты Карабаса	172

Поле чудес	173
Дуэт лисы Алисы и кота Базилио	174
Песня Мальвины	175
Песенка протеста Буратино	176
Вторая песня Пьеро	177
Песенка таинственных существ над спиленным деревом	178
Песенка Дуремара	179
Песенка Тортиллы	180
Вторая песня лягушек	181
Песня пуделя Артемона	182
Вторая песенка Буратино	183
Третья песенка Буратино	184
Хор кукол	185
Песенка Джузеппе	186

О-52 **Окуджава Б. Ш.**
Милости судьбы: Новая книга стихотворений.— М.: Моск.
рабочий, 1993.— 191 с.

В книгу вошли новые стихотворения известного поэта и писателя Булата Окуджавы, написанные в 1988—1992 годах, а также его песни к спектаклям и кинофильмам.

О 4702010202—25
М172(03)—93 135—93

ББК 84Р7—5

ОКУДЖАВА Булат Шалвович

МИЛОСТИ СУДЬБЫ

Новая книга стихотворений

Редактор *И. Шалаева*

Художник *А. Кущенко*

Художественный редактор *Н. Старцев*

Технический редактор *А. Ершова*

Корректоры *Е. Коротаева, Т. Нарва, З. Комарова*

Сдано в набор 12.01.93. Подписано к печати 20.05.93.

Формат 70 × 108¹/32. Бумага офсетная № 2. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 8,4. Усл. кр.-отт. 8,57. Уч.-изд. л. 4,6.

Тираж 75 000 экз. Заказ 3428. С-95

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Московский рабочий»,
101854, ГСП, Москва, Центр, Чистопрудный бульвар, 8.

Российский государственный информационно-издательский центр «Республика»
Полиграфическая фирма «Красный пролетарий»
103473, Москва И-473, Краснопролетарская, 16

БУЛАТ
ОКУДЖАВА
*милости
судьбы*